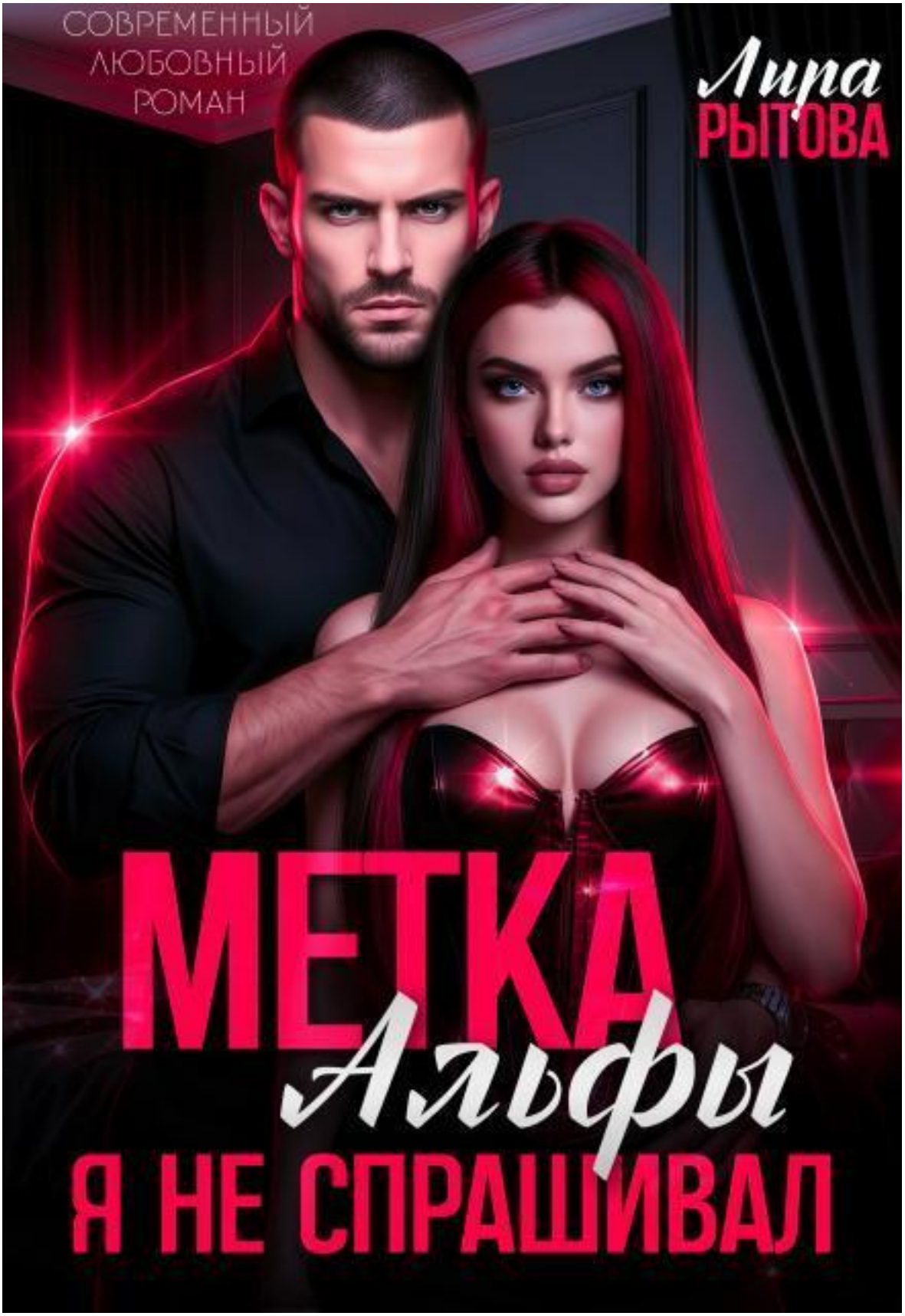
СОВРЕМЕННЫЙ
ЛЮБОВНЫЙ
РОМАН
Лира
РЫТОВА
МЕТКА
Альфы
Я НЕ СПРАШИВАЛ

Лира Рытова

Метка Альфы. Я не спрашивал

«Литнет»
2026

Рытова Л.

Метка Альфы. Я не спрашивал / Л. Рытова — «Литнет», 2026

Оборотни существовали всегда. Но не как миф — как закон. И закон этот гласил: метка истинности появляется на омеге в момент, когда двое находятся рядом друг с другом. И Альфа вправе забрать омегу себе по праву собственности.Всегда.Я выросла с этим правилом. Ведь родилась омегой. Я поклялась себе, что никогда не стану чьей-то вещью. Что моя шея останется чистой до того самого дня, когда я сама склоню голову перед тем, кого выберу.Но законы пишут не такие, как я. Их пишут Альфы. А Альфы берут — без спроса, не интересуясь мнением, пресекая любую попытку омеги вырваться из их сильных лап.Я не знала о НЕМ, когда ворвалась в ЕГО спальню, по глупому спору с омегами. Почувствовала только этот жгучий зуд на шеи — как напоминание, как клеймо, как приговор.На мне проявилась ЕГО метка.И теперь он идёт.А я стою за дверью, вжимаясь в стену, и чувствую, как его пульс бьётся у меня под кожей. Он знает, где я. Теперь, он всегда будет это знать. И единственное, что я могу сделать сейчас — это встретить его взгляд и постоять за свою свободу...Я не просила этой связи. Но я не позволю ему решать, кто я теперь.История родителей Рэя: "Желание Альфы. Запру"

© Рытова Л., 2026
© Литнет, 2026

Содержание

Пролог 5
Глава 1. Академия 7
Глава 2. Альфа 12
Глава 3. Метка 16
Глава 4. Утро 20
Глава 5. Завтрак и Рэй 22
Глава 6. Нервничаешь? 25
Глава 7. Правила 28
Глава 8. Планы на вечер 32
Глава 9. Переписка 35
Глава 10. Вечер 38
Глава 11. Роза 42
Глава 12. Ревность 46
Глава 13. Информация 49
Глава 14. Задание 53
Глава 15. Сдерживать 57
Глава 16. На колени 60
Конец ознакомительного фрагмента. 61

Пролог

Я застыла, превратившись в камень. Каждый мускул тела окаменел, пока зуд на шеи разрастался, вгрызаясь в плоть раскалёнными иглами. Я стиснула зубы до скрежета, но даже это не помогло — боль пробиралась глубже, пульсируя в такт сердцу, будто оно билось уже не в моей груди, а в *его*кулаке.

Женский стон удовольствия за дверью пронзил тишину. А мои молитвы о том, чтобы меня не заметили, потонули в страхе, который въелся в моё сознание.

— .. не останавливайся! — женский громкий всхлип, но я слышу, как Альфа что — то прорычал и судя по всему, просто опустил её голову в подушку.

Скрип кровати неожиданно остановился.

Тишина за дверью стала вязкой, как смола. Я слышала собственное дыхание — рваное, сбивчивое, и ненавидела себя за этот звук. Потому что каждая секунда этой тишины была секундой *его*приближения к истине.

Зуд увеличивается. Он становится невыносимым. И в этот самый момент я слышу, как Альфа низко зарычал.

— Покажи шею, — пророкотал Альфа и в голосе больше не было страстных ноток. Только сталь. Только власть, которая не терпит возражений.

Я сжала пальцами край раковины, чувствуя, как холод мрамора впивается в ладони, но не приносит облегчения. Зеркало напротив меня искажало отражение: мои глаза казались бездонными ямами, губы побелели, а на шеи, прямо над воротом, начала проступать тёмная, пульсирующая вена, выстраиваясь в рисунок.

Метка.

— Ты… — голос девушки за стеной прервался хрипом, — что ты делаешь?..

— Вон, — жестко отчеканил.

— Но... как...

Но Альфа не ответил. Я услышала только шорох одежды и как захлопнулась резко дверь. Этот глухой удар...а затем мерный, тяжёлый шаг. Один. Второй. Третий.

Он шёл к двери. Ко мне.

Внутри всё оборвалось. Живот скрутило животным страхом, таким первобытным, что я на мгновение забыла, как дышать. Но вместо того чтобы отступить, я почувствовала, как в груди разгорается что-то другое — злое, дикое, отчаянное. Я не позволю ему просто войти и взять меня. Я не стану его трофеем.

Ручка двери дёрнулась. Я сделала шаг назад, прижавшись спиной к холодной стене, и замерла, глядя, как металлическая рукоятка медленно поворачивается, щёлкая замком. Воздух стал плотным, тягучим, я почти физически ощущала его присутствие — тяжёлое, подавляющее.

И дверь открылась.

В проёме стоял он. Глаза — два раскалённых угля — сразу нашли меня, прошили насквозь, не оставив ни щели для сомнений. Его ноздри расширились, втягивая воздух — мой запах, и я знала, что в этом запахе он уже уловил отголосок собственной метки.

— Ты, — выдохнул Альфа и в этом единственном слове прозвучала и ярость, и торжество, и что-то ещё, от чего у меня подкосились ноги.

Я вжалась в стену, но не отвела взгляда. В груди билось бешено сердце, но я сжала кулаки и прошептала, почти не разжимая губ:

— Я не твоя.

Он усмехнулся. Медленно, по-звериному, обнажив клыки.

— Уже моя, — сказал, шагнув через порог, отрезая мне путь к отступлению, — неожиданный подарок. Невинная омега, — он смаковал.

Я чувствовала, как его запах заполняет комнату, как он сбивает дыхание, как его близость давит на психику. Но я не побежала. Я вцепилась в стену спиной, сжала зубы и прорычала в ответ, тихо, но твёрдо:

— Докажи.

Глава 1. Академия

Академия встречает меня гулкими смешками в коридорах, напряжённой атмосферой там, где лучше держаться подальше — шайке Альф. Они стоят, лениво прислонившись бёдрами о широкие каменные подоконники, и наблюдают за омегами, как хищники на пастбище. Свет от высоких стрельчатых окон падает на их плечи, выхватывая резкие скулы и хищные улыбки. И кто-то из омег вовсе не против. В поисках покровителя или будущего супруга, пары, стреляют глазками и сбиваются в кучки, рассматривая Альф в ответ.

Каждая из нас выбирает свой путь: принять Альф или нет. Тот, кто принимает, живёт под защитой своего Альфы и не знает проблем. Хрупкая, нежная омега не создана для решений проблем… какая же глупость.

Или такие, как я, просто дефектные омеги? Не умеющие признавать свои слабости, которые бывают, как у всех? Я стискиваю лямку своей сумки посильнее, теперь, имея представление, куда отправили родители мои документы.

Элитная Академия для Альф и омег. Страшное место для тех, кто хочет казаться незаметным, и золотая жила для тех, кто хочет устроить свою жизнь.

Огромное здание в готическом стиле с башнями, бесконечными лестницами и кабинетами, в которых проводились лекции. Его фасад из серого камня, покрытого "паутиной" времени, уходит высоко в небо, а шпили башен пронзают облака, словно каменные иглы. Вокруг — вековые дубы с раскидистыми кронами, их листва шелестит даже при малейшем ветре, создавая ощущение, что лес дышит вместе с Академией. Внутри — лабиринты коридоров, где эхо шагов разносится на сотню метров, где каждый поворот может привести или к библиотеке с тысячами книг, или к закрытой двери, за которой — тайна. Полы выложены тёмным дубом, отполированным до блеска поколениями учеников, а стены украшены гобеленами с изображениями древних Альф и омег — величественные фигуры в тяжёлых одеждах, смотрящие на нас с высоты веков.

Получить диплом из Академии, значит, стать специалистом и обеспечить себе жизнь, в которой ты сможешь себя поставить ровно так, как желаешь.

И даже в стенах витает благоговение тех, кто поступил сегодня впервые. В воздухе пахнет старым деревом, воском, которым натирают парты, и едва уловимым ароматом книжных страниц — сладковатым, чуть терпким. Такие, как я… но моё благоговение закончилось сразу после того, как меня устроили в общежитии, а после провели экскурсию по этажам, где я увидела Альф. Чувствуя себя неловко, я старалась проходить быстрее, краснея от того, что пришла сюда не в начале первого семестра, а практически в середине.

Мне хотелось быть выше ген омег. То, что я родилась такой, не было моей ошибкой. Но то, что я должна постоять за себя, мне стало ясно сразу после школы. Пока Альфы методично искали «своих омег», другие просто пользовались. И часто не в одиночку, а группами, пробуя «на вкус» омежку.

Мурашки по коже. Мой взгляд скользит по уверенным лицам парней, практически мужчин. Они красивые. Статные. В них просматривается звериное начало, они уверены в себе и выделяются в любом обществе, вот только в меня вселяют страх.

Потому что их желанию нет предела. И их одержимость омегами вселяет настоящую жуть.

Скрываюсь от взглядов в кабинете.

Здесь уже другая обстановка. Щурясь от лучей солнца, которые бьются через распахнутые окна, обвожу взглядом учеников, останавливаясь на трех девушках, что стояли у широкого подоконника из тёмного мрамора, о чём-то шепчась. Окна здесь — от пола до потолка, с

резными витражами наверху, где переливаются синим и золотым стеклянные узоры. Солнечный свет просачивается сквозь них, окрашивая кабинет в тёплые, медовые тона, и пылинки танцуют в воздухе, как маленькие золотые искры.

— Новенькая? — одна из них сразу же обратила на меня внимание. Выпрямившись в ученической форме, состоящей из бледно-голубой рубашки и юбки с множеством складок более тёмного синего оттенка, она приветливо улыбнулась, — я — Алия, староста нашей группы.

— Мирослава, — представляясь, вошла вглубь кабинета, — но лучше — Мира… мне приятно познакомиться, — добавила.

Внутри прорывается некое стеснение. Тяжело быть новенькой. Тяжело входить в уже состоявшийся коллектив. К тому же даже здесь уже сидели Альфы. Омег не разделяют. В этом просто нет смысла.

— И нам, Мира, — блондинка улыбнулась, а после показала на подруг, — это Агата, — омега с тёмными волосами и загадочными зелёными глазами кивнула мне, — и Веста, — ещё одна миловидная блондинка, очень маленькая и хрупкая, даже для омеги, дружелюбно помахала мне.

— Очень приятно, — я обвела взглядом остальных. Замечая пустую парту, направилась к ней. И, разложив вещи, опустилась на мягкий стул.

Академия была элитной. Мебель была добротная, красивая и качественная. Очень приятная. И даже парта была установлена так, что было удобно за ней сидеть. Массивный дуб, из которого вырезана каждая парта, пахнет смолой и временем, а столешницы гладкие, отполированные до зеркального блеска сотнями локтей.

— А ты откуда? — Агата присела напротив, начиная болтать ногами.

— С Севера. Это… закрытый городок. Ничего примечательного, — отвечая расплывчато, заметила, как в кабинет начали заходить остальные ученики.

— Да, но звучит даже интересно. Ты вовремя, — староста подошла к нам ближе, — у нас сегодня будет вечеринка омежек. Просто вечер. Никаких Альф, — подчёркнуто серьезно произнесла она, — присоединишься? Будут также омеги со второго и даже четвёртого курса.

— Думаю, как-нибудь потом… я только пришла…

— Наоборот, так ты вольёшься легче во всю эту атмосферу, — Веста присела рядом. Девушка производила приятное впечатление. И выглядела как маленькая фея. От ассоциаций я улыбнулась, — мы будем тебя ждать у южного крыла.

— Где спальни Альф? — нахмурилась, вспоминая карту.

— Да, но мы будем далеко от них. Там большой зал, много места, и всегда вечера проходят именно там, — Агата поправила локон тёмных волос, бросая быстрые взгляды на Альф.

Они беседовали между собой. Иногда бросали взгляды на омежек, но мимолётно. От этого стало чуточку легче: первокурсники ещё не были теми монстрами, какими могут быть Альфы.

— Тогда, можно, наверно…

— Твоя спальня находится выше наших, — Алия с присущей уверенностью старосты уже составляла планы, — так что, к семи просто спустишься вниз. И вместе пойдём.

Я кивнула. Внутри образовалось напряжение. И непонятно больше, от чего.

* * *

К семи вечера я стояла у своей двери, нервно теребя край свитера. Моя комната находилась на третьем этаже, в узкой башне, где окна выходили на внутренний двор с заросшим плющом фонтаном. Внутри было тесно, но уютно: узкая кровать с балдахином из тёмного бархата, письменный стол у окна, старый кованый светильник, отбрасывающий на стены причудливые тени. За окном шумели дубы, и их ветви царапали стекло, словно просились внутрь.

Вместо формы я надела простые джинсы и свободную кофту молочного цвета — хотелось быть невидимой, раствориться в толпе, стать просто ещё одной тенью. Но когда спустилась вниз и увидела Алию, Агату и Весту, наряженных в лёгкие платья и с едва заметным макияжем, почувствовала себя белой вороной.

— Мира! — Веста подбежала ко мне, схватив за руку. Её ладонь была тёплой и такой маленькой, — ты такая милая! Пойдём, мы уже всё организовали.

Южное крыло действительно оказалось далеко от спален Альф. Мы прошли через длинный коридор с высокими стрельчатыми окнами, где лунный свет разливался по каменному полу серебристыми дорожками. Здесь пахло сыростью и старым камнем, а ступени, выбитые в толще стены, вели вниз, в просторный зал.

Когда мы вошли, я замерла, рассматривая размах просто... просто "зала".

Зал был круглым, с куполообразным потолком, расписанным фресками: бледные фигуры в античных одеждах парили среди облаков, их руки тянулись друг к другу в вечном танце. По стенам висели тяжёлые гобелены, изображающие леса и охоту, а в центре зала стоял старый камин, сложенный из грубого серого камня, в котором весело потрескивал огонь. Свечи в подсвечниках, гирлянды вдоль стен, десятки подушек, разбросанных по полу, пледы и низкие столики с горячим чаем и сладостями. Омеги сидели небольшими группами, переговаривались, смеялись, кто-то кружился в медленном танце без музыки — просто так, от полноты чувств. Воздух был лёгким, тёплым, почти домашним.

Без Альф можно было выдохнуть. Без их прожигающих взглядов и ощущения, что ты всегда на грани.

— Нравится? — Алия появилась рядом, протягивая мне кружку с мятным чаем, — мы старались. Это наш традиционный вечер — только омеги. Никаких Альф, никаких правил. Просто мы.

Я приняла кружку, чувствуя, как тепло разливается по ладоням. Глина была шершавой, приятной на ощупь, и от чая поднимался пар, смешиваясь с запахом горячего воска и старого дерева.

— Здесь правда хорошо, — тихо призналась, улыбаясь в ответ.

— А говорила, что не пойдёшь, — подмигнула Агата, появляясь с другой стороны, — я же говорила: тебе нужно влиться. Одиночество в Академии — это самый опасный враг омеги.

Мы устроились на пуфах в углу. Веста села рядом, такая маленькая и воздушная, что казалось — её вот-вот сдует порывом ветра. Она болтала без умолку: о преподавателях, о том, как они с Алией познакомились, о том, какие лекции самые сложные, а на какие можно не ходить, потому что преподаватель всё равно ставит зачёт всем.

Я слушала краем уха, но прислушивалась к атмосфере вокруг. Где-то за стеной слышались шаги — но далёкие, не здесь. В камине потрескивали дрова, отбрасывая на лица девушек тёплые, живые блики. Огонь играл на их коже, делая её золотистой. Кто-то тихо напевал мелодию, и её голос разносился по залу, смешиваясь с шумом пламени и тихим смехом.

И с удивлением я замечала, что мне нравится. Чистый женский смех, уют, тепло — ничего из того, что я ожидала от Академии, где Альфы ходят по коридорам как хозяева жизни.

Где-то через час, когда чай был выпит, а сладости почти закончились, Алия вдруг поднялась на ноги и звонко хлопнула в ладоши.

— Девушки! Прошу внимания!

Разговоры стихли. Все взгляды обратились к ней. Она стояла у камина, и пламя рисовало на её лице тени, делая её похожей на древнюю жрицу.

— По традиции, — улыбнулась она загадочно, — в наш вечер мы проводим одну небольшую игру. Смешную и безобидную. И я хочу, чтобы сегодня в ней поучаствовала наша новенькая, Мира!

Я поперхнулась чаем.

— Что? Нет, я…

— Не спорь, — перебила Агата, ухмыляясь, — у нас так заведено: новенькая открывает вечер. Это приносит удачу. Просто... игра.

Я обвела взглядом комнату. Девушки смотрели на меня с любопытством, кто-то одобрительно кивал. Я почувствовала, как щёки заливает румянец, а под кофтой вдруг стало жарко. Мне не хотелось привлекать внимание. Это было лишним.

— И… что за игра? — выдавила.

Алия хитро прищурилась. Её карие глаза блеснули в свете камина.

— Ты должна выполнить одно задание. Всего одно. А мы выберем тебе его. Честно, по жребию.

Она подошла к низкому столику из тёмного дерева, где лежали свёрнутые в трубочки бумажки. Омеги вокруг оживились, начали перешёптываться. Запах воска смешался с ароматом духов и чая.

— Это часть традиции, — пояснила Веста, наклоняясь ко мне, — ничего страшного. В прошлый раз просто пришлось спеть песню у фонтана. А один раз — съесть целую тарелку пирожных. Было и ещё смешнее: напугать преподавателей! Это просто смешно.

Я выдохнула. Кажется, ничего страшного. Песня… пирожные… что может быть плохого?

— Мира, тяни! — Алия протянула мне резную шкатулку со свёртками.

Я зажмурилась и наугад взяла одну бумажку. Пальцы чуть дрожали. Развернула. Прочитала.

И сердце остановилось.

«Пробраться в спальню Альфы и принести его личную вещь. Желательно — ту, что он носит. Не попадись. Удачи ♡».

Тишина повисла в комнате на пару мгновений, а затем кто-то восхищённо выдохнул, а другие начали одобрительно улюлюкать. Эхо их голосов отражалось от купола, создавая странное, почти торжественное звучание.

— Ого! — протянула Агата, заглядывая в бумажку через плечо. Она стремительно прочитала задание, — ну ты и везучая! Это самое сложное задание в коробке! Давно его никто не вытягивал.

Я подняла на неё ошарашенный взгляд. Сердце колотилось где-то в горле.

— Вы шутите? Это же глупость! Пробраться в спальню Альфы? Меня же там… меня же могут…

Я не договорила. Мысль о том, что я окажусь одна в их крыле, в их территории, вызывала мурашки, которые ползли по позвоночнику ледяными лапками. Я представила длинные каменные коридоры, где тусклый свет выхватывает из темноты тяжёлые двери, за каждой из которых — чужое, опасное пространство. Представила запах — мужской, терпкий, звериный, от которого у омег кружится голова. Представила себя, крадущуюся по скрипучему полу, слышащую каждый шорох, каждое дыхание.

— Не переживай, — мягко сказала Алия, опускаясь рядом, — Альфы сейчас все в главном корпусе на собрании. Никого нет. Крыло пустое. Это задание — просто проверка смелости. Мы никому не позволим тебя обидеть, обещаю, — серьезно добавила.

Я замотала головой.

— Я не пойду. Это безумие. Зачем мне вообще это нужно? — мне хотелось всё это закончить. Страх захватил в свои липкие объятия. Меня всё это приводило в ужас. Это так глупо!

Веста коснулась моего плеча. Её глаза были серьёзными и тёплыми, в них отражался огонь камина.

— Мира, если ты откажешься, будет считаться, что ты не прошла посвящение. Это не страшно, но… тебя не будут воспринимать здесь как свою. Мы будем тебя защищать, но осталь-

ные могут начать относиться холодно. Хочешь быть изгоем на первом же курсе? — в её голосе не было упрека, просто чудовищный факт.

Я сглотнула. Слова Весты упали в мою душу камнем. Изгой. Я и так чувствовала себя чужой. И теперь, если я откажусь, омеги отвернутся от меня… Я останусь одна. В Академии, где одиночество — самый опасный враг.

Я опустила взгляд на бумажку. Буквы плясали перед глазами. В свете свечей они казались золотыми, почти горящими.

— Я… я сделаю это, — выдавила, — но только потому, что это глупо. И потому что я не хочу быть трусихой.

Агата одобрительно хлопнула в ладоши. Её смех разнёсся под сводами зала.

— Вот это дух! Мы будем ждать тебя здесь. Иди по коридору прямо, третий поворот налево, затем четвёртая дверь с серебряной табличкой. Или пятая… не помню, но ты точно найдёшь. Там есть лестница вниз, она приведёт к их крылу. И помни: если услышишь шаги — прячься. Там много ниш и колонн.

Я поднялась с пуфа, чувствуя, как колени дрожат. Ладони вспотели. Сердце колотилось о рёбра так, что казалось — это слышат все. Запах камина, чая и духов вдруг стал резким, душащим.

— Я быстро, — сказала, сама не веря в свои слова.

И сделала шаг к выходу.

Тяжёлая дверь из тёмного дуба открылась с тихим скрипом, и в лицо мне пахнуло холодом каменного коридора. За ней меня ждали пустые коридоры и темнота. И спальня Альфы. Комната, где пахнет опасностью и тем, что я так старалась избегать.

Я вышла в коридор, и дверь за мной закрылась с глухим щелчком. Эхо разнеслось под сводами, и мне показалось, что оно прозвучало как предупреждение.

В груди билась паника. Но где-то глубоко внутри… дрожал странный, запретный интерес.

Глава 2. Альфа

Тяжёлая дверь за моей спиной закрылась с глухим щелчком, и звук этот разнёсся по коридору, словно камешек, упавший в колодец. Я замерла на мгновение, прислушиваясь к тишине. Она была густой, тягучей — такой, когда слышно собственное дыхание и каждый удар сердца.

Вокруг меня простирался коридор южного крыла. Он был уже, чем основная галерея, и совершенно иным: здесь не было больших стрельчатых окон, только редкие узкие бойницы, прорубленные в толще каменных стен. Лунный свет просачивался сквозь них тонкими серебряными полосами, расчерчивая пол на геометрические узоры. Стены здесь были сложены из тёсаного камня, грубого и холодного на ощупь, с едва заметными потеками сырости в углах.

Пахло здесь иначе. Не книгами и воском, как в главном корпусе, а сыростью, старым камнем и чем-то ещё — чуть сладковатым, чуть терпким. Запах, который я не могла распознать, но от которого внутри разливалось странное, сосущее беспокойство.

Я сделала первый шаг. Пол под моими кедами был выложен тёмным камнем, неровным, с выбоинами — каждый шаг отдавался тихим шорохом, который в тишине казался оглушительным. Я прикусила губу и постаралась ступать мягче, на носочки, как учили когда-то на танцах.

Третий поворот налево, затем четвёртая дверь с серебряной табличкой. Или пятая…

Алия сказала, что Альфы на собрании. Никого нет. Крыло пустое. Я повторяла это про себя, как мантру, но пальцы всё равно дрожали, а дыхание сбивалось.

Коридор делал изгиб, и я свернула налево. Здесь свет стал ещё тусклее — факелы горели редко, в основном в нишах, и их дрожащее пламя отбрасывало на стены длинные, искажённые тени. Они двигались за мной, как живые, и каждый раз, когда я бросала взгляд в сторону, мне казалось, что кто-то стоит в углу. Но это был всего лишь каменный выступ, или старый доспех, или гобелен с выцветшим изображением битвы.

Я насчитала три двери. Четвёртая — с серебряной табличкой.

Я остановилась перед ней, и сердце пропустило удар.

Дверь была массивной, из тёмного дуба, с коваными петлями и ручкой в виде волчьей головы. Металл был холодным, почти ледяным на ощупь. Табличка, прибитая к дереву, блестела в полумраке — на ней было выгравировано имя, но я не стала всматриваться. Я не хотела знать, кто здесь живёт. Это было бы слишком лично. Слишком опасно.

Я глубоко вздохнула, чувствуя, как холодный воздух обжигает лёгкие, и нажала на ручку.

Дверь поддалась с тихим, почти нежным скрипом.

Я вошла внутрь и замерла.

Спальня была просторной, почти как наша общая гостиная в общежитии, но совершенно иной. Здесь не было той уютной, тёплой атмосферы, что у омег. Всё было строгим, выверенным, мужским. Стены — из тёсаного камня, но затянутые тёмно-зелёным бархатом, что придавало комнате глубину и мрачную торжественность. Большая кровать под балдахином из тяжёлой ткани, цвет которой я не могла разглядеть в полумраке — только её очертания, массивные столбы из тёмного дерева. Широкий письменный стол у стены, заваленный книгами и бумагами. Шкаф, почти во всю стену, из такого же тёмного дуба. И несколько кресел, обитых кожей, которые смотрелись как троны.

Но главное — воздух.

В этом помещении было иначе. Воздух был густым, тёплым, словно нагретый чьим-то телом, и пахло в нём чем-то невероятно притягательным. Я не могла определить запах — смесь древесины, старой бумаги, едва уловимого табака… и чего-то ещё. Тёплого, чуть сладковатого, почти животного. Запах, от которого у меня перехватило дыхание, а внутри разлилась странная, тягучая дрожь.

Я зажмурилась, тряхнула головой, прогоняя наваждение.

Это просто Альфа. Все они так пахнут. Это их природа.

Но тело не слушалось. Кожа покрылась мурашками, а в груди разлилось тепло, не имеющее никакого отношения к комнатной температуре. Между ног разлилась предательская влажная тяжесть, и я сжала бёдра, пытаясь подавить это ощущение. Но оно только усиливалось, пульсируя в такт сердцу.

Я сделала шаг вперёд, оглядываясь. Нужно было взять что-то личное. Что-то, что он носит. Накидка? Шарф? Запонки? Я подошла к шкафу, приоткрыла дверцу и заглянула внутрь. Ряды рубашек, пиджаков, тёмных брюк. Всё идеально ровно, почти по-военному аккуратно.

Я протянула руку к одной из рубашек — простой, белой, с тонкими полосками. Ткань была мягкой, дорогой, и когда я коснулась её, пальцы ощутили что-то тёплое, живое, будто ткань хранила тепло тела. Запах ударил в нос с новой силой — терпкий, мужской, пьянящий. Я прижала рубашку к лицу, сама не понимая, что делаю, и глубоко вдохнула.

Внизу живота что-то сжалось, горячо и остро. Я почувствовала, как соски напряглись под тканью кофты, став болезненно чувствительными. Голова закружилась, и я на миг прикрыла глаза, позволяя этому запаху проникнуть в каждую клетку тела.

И вдруг — шаги.

Гулкие. Тяжёлые. Мужские. Они раздавались где-то в коридоре, приближаясь, с каждым мгновением становясь всё отчётливее.

Я замерла, превратившись в камень. Сердце рухнуло куда-то вниз и начало биться с такой силой, что, казалось, его стук слышен на весь коридор.

Нет. Нет, нет, нет. Не может быть. Он же должен быть на собрании!

Шаги приближались. Я услышала голоса — низкий, уверенный мужской и мягкий, женский, смеющийся. Омега. С ним была омега.

Паника затопила сознание, но тело отреагировало иначе. Вместо того чтобы онеметь от страха, каждая клетка вдруг ожила, обострив все чувства. Я слышала, как скрипит под их ногами паркет, как омега смеётся — тихо, мурлыкающе, как кошка, трущаяся о ноги хозяина. Я слышала его низкий ответный смех — бархатистый, опасный, от которого внутри разливалась необъяснимая дрожь.

Я огляделась в панике, не зная, куда спрятаться. Под кровать? Слишком низко, меня заметят. В шкаф? Я застряну, и они услышат. Единственное, что оставалось — дверь рядом с кроватью. Ванная.

Я метнулась к ней, почти не дыша, и юркнула внутрь, прикрыв за собой дверь почти до конца, оставив едва заметную щель. Каменный пол в ванной был холодным, и я почувствовала, как ступни заледенели. Помещение было маленьким — раковина из тёмного мрамора, душевая кабина за матовым стеклом, полотенца на крючках. Пахло здесь мятой и влажным камнем.

Я прижалась к стене и замерла, прислушиваясь.

Дверь в спальню открылась, и я услышала, как они вошли. Скрип половиц под тяжёлыми шагами. Смех омеги — тихий, почти мурлыкающий. Голос Альфы — низкий, бархатистый, с ноткой снисходительной усмешки.

— Ты обещал показать мне свою комнату, — сказала омега. В голосе сквозила кокетливая капризность.

— И я показываю, — ответил Альфа. Его голос вибрировал, проникая сквозь камень, и я почувствовала, как мурашки бегут по позвоночнику.

— А ты здесь не бываешь с другими? — спросила омега. В её голосе послышалась ревнивая нотка.

Альфа засмеялся — низко, отрывисто, цинично.

— Бываю. Тебя это волнует? — спросил с ледяной усмешкой. В его голосе не было ни капли тепла. Только холодное, хищное веселье.

— Нет, — фыркнула девушка.

— Тогда не задавай глупых вопросов, — отрезал со сталью Альфа, — или уходи. Я не терплю нытья.

Наступила тишина. Омега, кажется, что-то обдумывала, но потом я услышала шорох ткани. Они двигались по комнате. Кажется, сели на кровать — пружины тихо скрипнули.

— Иди сюда, — приказал. Не попросил. Приказал. Голос был низким, властным, не терпящим возражений.

Я зажмурилась, вжимаясь в каменную стену. А потом я услышала это.

Глухие, влажные звуки поцелуев. Приглушённый стон омеги. И его низкий, почти рычащий выдох.

— Ты умеешь быть удобной, — усмехнулся.

Она что-то прошептала в ответ, но слова потонули в следующем поцелуе — глубоком, жадном, почти грубом.

Я зажала рот ладонью, чувствуя, как внутри поднимается волна жара и стыда.

За дверью всё ускорялось. Я слышала каждый звук — влажные поцелуи, тяжёлое дыхание, тихие стоны омеги, которая явно пыталась угодить, и его низкие, отрывистые команды:

— Не останавливайся. Глубже, — она хрипит и давится, — Я. Сказал. Глубже.

Мои глаза расширяются от его грубости.

— Ещё. Медленнее.

Он говорил с ней так, будто она была вещью. Инструментом для удовольствия. И она подчинялась. Стонала, шептала его имя, умоляла о чём-то, а он лишь усмехался и брал своё.

А потом кровать заскрипела быстрее, ритмичнее. Я слышала, как омега дышит — отрывисто, почти истерично. Слышала его низкие, хриплые стоны, от которых внутри всё переворачивалось. Слышала, как он двигается — жёстко, уверенно, без капли нежности.

— Сильнее, — прошептала омега с мольбой.

— Молчи, — бросил хрипло, — ты здесь для того, чтобы доставлять мне удовольствие.

Он просто... омерзителен.

Её всхлип — и снова ритмичный скрип, тяжёлое дыхание, стоны, смешивающиеся в один горячий, влажный звук.

Моё тело отреагировало мгновенно.

Жар разлился по венам, ударил в голову, заставив кровь пульсировать где-то глубоко внизу живота. Я чувствовала, как влага пропитывает бельё, становясь почти неприличной. Соски превратились в твёрдые, болезненные точки, и каждое движение ткани кофты о них отдавалось острой, тягучей волной удовольствия.

Я закусила губу до крови, пытаясь заглушить собственное дыхание, которое становилось всё более прерывистым. Между ног пульсировало горячо и настойчиво, требуя чего-то, чего я не могла дать. Я невольно сжала бёдра, и это движение отозвалось внутри сладкой, тягучей дрожью.

За дверью кровать скрипела всё быстрее. Я слышала, как омега дышит — отрывисто, почти всхлипывая. Слышала его низкие, хриплые стоны, от которых внутри всё переворачивалось. Слышала, как он командует:

— Громче. Я хочу слышать тебя.

И она стонала — громко, отчаянно, почти истерично. Она умоляла его, просила не останавливаться.

А он лишь усмехался — я слышала этот низкий, довольный смех, и от него внутри всё сжималось в тугой узел.

— Хорошая девочка, — в его голосе звучало снисходительное одобрение.

Она застонала громче, и в этом стоне слышалась благодарность. Благодарность за то, что он позволил ей быть рядом. Что он вообще обратил на неё внимание.

Я прижалась лбом к холодной стене, пытаясь собраться. Но холод не помогал. Кожа горела, каждая клетка тела кричала о прикосновении. Я провела дрожащей рукой по груди, сама не понимая, что делаю, и вздрогнула от собственного прикосновения. Соски отозвались острой, почти болезненной волной наслаждения.

Прекрати. Прекрати это. Ты не должна. Что на тебя нашло, Мира? Ты не в себе...

Но тело не слушалось.

В следующую секунду мою шею пронзила острая, резкая боль.

Глава 3. Метка

Я застыла, превратившись в камень. Каждый мускул тела окаменел, пока зуд на шеи разрастался, вгрызаясь в плоть раскалёнными иглами. Я стиснула зубы до скрежета, но даже это не помогло — боль пробиралась глубже, пульсируя в такт сердцу, будто оно билось уже не в моей груди, а в его кулаке.

Женский стон удовольствия за дверью пронзил тишину. А мои молитвы о том, чтобы меня не заметили, потонули в страхе, который въелся в моё сознание.

— .. не останавливайся! — женский громкий всхлип, но я слышу, как Альфа что — то прорычал и судя по всему, просто опустил её голову в подушку.

Скрип кровати неожиданно остановился.

Тишина за дверью стала вязкой, как смола. Я слышала собственное дыхание — рваное, сбивчивое, и ненавидела себя за этот звук. Потому что каждая секунда этой тишины была секундой его приближения к истине.

Зуд увеличивается. Он становится невыносимым. И в этот самый момент я слышу, как Альфа низко зарычал.

— Покажи шею, — пророкотал Альфа и в голосе больше не было страстных ноток. Только сталь. Только власть, которая не терпит возражений.

Я сжала пальцами край раковины, чувствуя, как холод мрамора впивается в ладони, но не приносит облегчения. Зеркало напротив меня искажало отражение: мои глаза казались бездонными ямами, губы побелели, а на шеи, прямо над воротом, начала проступать тёмная, пульсирующая вена, выстраиваясь в рисунок.

Метка.

— Ты… — голос девушки за стеной прервался хрипом, — что ты делаешь?..

— Вон, — жестко отчеканил.

— Но... как...

Но Альфа не ответил. Я услышала только шорох одежды и как захлопнулась резко дверь. Этот глухой удар...а затем мерный, тяжёлый шаг. Один. Второй. Третий.

Он шёл к двери. Ко мне.

Внутри всё оборвалось. Живот скрутило животным страхом, таким первобытным, что я на мгновение забыла, как дышать. Но вместо того чтобы отступить, я почувствовала, как в груди разгорается что-то другое — злое, дикое, отчаянное. Я не позволю ему просто войти и взять меня. Я не стану его трофеем.

Ручка двери дёрнулась. Я сделала шаг назад, прижавшись спиной к холодной стене, и замерла, глядя, как металлическая рукоятка медленно поворачивается, щёлкая замком. Воздух стал плотным, тягучим, я почти физически ощущала его присутствие — тяжёлое, подавляющее.

И дверь открылась.

В проёме стоял он. Глаза — два раскалённых угля — сразу нашли меня, прошили насквозь, не оставив ни щели для сомнений. Его ноздри расширились, втягивая воздух — мой запах, и я знала, что в этом запахе он уже уловил отголосок собственной метки.

— Ты, — выдохнул яростно Альфа и в этом единственном слове прозвучала и ярость, и торжество, и что-то ещё, от чего у меня подкосились ноги.

Я вжалась в стену, но не отвела взгляда. В груди билось бешено сердце, но я сжала кулаки и прошептала, почти не разжимая губ:

— Я не твоя.

Он усмехнулся. Медленно, по-звериному, обнажив клыки.

— Уже моя, — сказал, шагнув через порог, отрезая мне путь к отступлению, — неожиданный подарок. Невинная омега, — он смаковал.

Я чувствовала, как его запах заполняет комнату, как он сбивает дыхание, как его близость давит на психику. Но я не побежала. Я вцепилась в стену спиной, сжала зубы и прорычала в ответ, тихо, но твёрдо:

— Докажи.

Слово повисло в воздухе, раскалённое добела. Альфа замер на мгновение, и в этом замирании было что-то более страшное, чем открытая агрессия — первобытная оценка. Он сканировал меня, как добычу, которая вдруг решила огрызнуться.

А затем он улыбнулся. Но это была не улыбка — оскал. Хищный, голодный, от которого по позвоночнику пробежал ледяной разряд, а зуд на шее полыхнул с новой силой, выжигая метку глубоко под кожей.

— Смелая, — пророкотал. Его голос упал на октаву ниже, вибрируя в грудной клетке, — метка не спрашивает разрешения. Она просто берёт. И ты уже взята.

Он шагнул вперёд. Я услышала, как под его тяжестью скрипнул кафель.

Я хотела отодвинуться, но стена впилась в лопатки, не давая ни миллиметра. Альфа навис надо мной, заслонив свет из коридора, и в полумраке его глаза горели янтарным пламенем. От него исходил жар — физический, пульсирующий, заставляющий мою кожу покрываться мурашками.

— Ты дрожишь, — констатировал, удовлетворенный моей реакцией, Альфа, — глупая омежка. Как ты оказалась в *моей* спальне? — подчеркивая значимость своей территории, резко спросил.

Вздрогнула повторно. На моем лице отразились все эмоции ненависти к этому моменту. Глупое задание! Если бы не задание, если бы… но внутренний голос подсказывал — здесь Академия одна для всех, и рано или поздно, мы бы с ним увиделись. И судя по тому, что я слышала пару минут назад, этот Альфа не обделен женским вниманием.

Натура омеги напряглась. Она пыталась донести мне аромат Альфы, вкусный и охлаждающий, от которого у меня закружится голова. Это - инстинкты. Быть его. Стать его омегой. Он Альфа - сила и закон для меня.

Я скосила взгляд на его шею. Наспех надетая рубашка и шорты. Пуговки были не застегнуты и я сумела рассмотреть его бронзовую кожу, под которой оказалась метка. Изогнутые, симметричные линии, как и у меня.

Я стояла, вжавшись в стену, чувствуя, как кафель холодит спину через тонкую ткань платья. Он нависал надо мной, заслоняя свет, и я наконец смогла рассмотреть его по-настоящему.

Короткие тёмные волосы, небрежно взлохмаченные, после секса. Жёсткая линия челюсти, покрытая лёгкой щетиной, которая делала его ещё более опасным — брутальным, грубым, настоящим. Широкие плечи, мощная грудная клетка, перекатывающиеся под кожей мышцы — каждое его движение выдавало хищника, привыкшего брать своё без спроса. Рубашка висела на нём распахнутой, обнажая бронзовую кожу груди и рельефный пресс, по которому скатывались капли пота. Он явно не ожидал гостей, но этот хаос только добавлял ему дикой привлекательности.

Его глаза — янтарные, горячие, с вертикальными зрачками, которые сузились, когда он втянул мой запах. В них читалась борьба. Животная, первобытная борьба между желанием разорвать меня на части прямо здесь и попыткой сохранить остатки контроля. Его грудная клетка вздымалась глубоко и часто, а пальцы рук сжимались в кулаки, будто он с трудом сдерживался, чтобы не прикоснуться ко мне.

Я видела, как его взгляд скользнул по моей шее, туда, где под кожей пульсировала его метка. И в этом взгляде не было ничего человеческого. Только собственничество. Только голод.

Он смотрел на меня так, будто я была его собственностью, которую он случайно нашёл в своей комнате и теперь не знал, с чего начать — разорвать или попробовать на вкус.

— Омега. Не проверяй моё терпение. Особенно, сейчас, — жестко отчеканил.

Он ждал ответа.

— Задание, — прохрипела, кусая губы от стыда. Вся эта ситуация перевернула мой мир. Полностью, — сегодня вечер омег и... — я не могла и не хотела объясняться.

— Задание? — переспросил. Замечая мой взгляд, низко зарычал, — почему моя спальня, омега?

Я сглотнула, чувствуя, как его запах заполняет лёгкие, затуманивая разум. Аромат Альфы был ошеломляющим — мятный, острый, с древесными нотками, от которых кружилась голова. Я знала, что это инстинкты. Моя омежья натура требовала подчиниться, шагнуть навстречу, прижаться к нему и забыть обо всём. Но я сжала кулаки так, что ногти впились в ладони, и заставила себя думать.

— Я действовала наугад. И только. Если бы я знала, что будет — ни за что бы не пошла сюда, Альфа, — выдавила, стараясь, чтобы голос не дрожал, — поверь мне. Я не заинтересована ни в чем таком. Сегодня только мой первый день учебы, — сдерживая злые слезы, хрипло добавила.

Его глаза сузились. Он наклонился ближе, и я почувствовала, как его горячее дыхание коснулось моей щеки. Его лицо оказалось в опасной близости — я видела каждую чёрточку, каждую морщинку вокруг губ, каждый блеск в его янтарных глазах.

— Не заинтересована, — повторил. В его голосе прозвучала сталь, но за ней я слышала что-то ещё — возбуждение, почти звериное, — но ты могла предположить, чем для тебя обернется глупая выходка, — оскалился.

Я молчала. Потому что правда была хуже любой лжи.

Альфа усмехнулся, но в этой усмешке не было веселья. Он провёл рукой по своим тёмным волосам, и я заметила, как он напряжен до предела. Он пытался взять себя в руки. Пытался, но его тело уже не слушалось — я видела, как напряглись мышцы его плеч, как перекатывается желвак на скуле.

И даже этот разговор для него проходит через силу.

— Ты сама пришла ко мне в спальню. Так что меня остановит от того, чтобы показать тебе мою... заинтересованность, — он зло усмехнулся, повторяя моё жалкое оправдание.

Он шагнул ещё ближе. Я оказалась в полной ловушке. Его ладони упёрлись в стену по обе стороны от моей головы... я чувствовала жар, исходящий от его тела. Его глаза горели — не янтарём, а чёрным пламенем, в котором утонул весь свет. Животный, первобытный взгляд, не оставляющий сомнений в его намерениях.

— Я хочу закрепить метку, — прорычал. В его голосе прозвучала такая голодная страсть, что у меня подкосились ноги. Я забыла, как дышать. Альфа давил на меня и если захочет... закрепит. А значит, я больше не смогу быть свободной. Никогда.

Он коснулся моего подбородка, приподнимая лицо. Я задохнулась от этого прикосновения. Его пальцы были горячими, шершавыми и я чувствовала, как они дрожат от напряжения.

Он заметил мой страх. Как бы я не пыталась его скрыть — увидел. Он впился в меня взглядом, сканируя. Впитывал все мои эмоции. Смаковал.

— Боишься? И правильно делаешь, омега. Ты выбрала не того Альфу.

Он наклонился к моему уху. Его горячее дыхание обожгло кожу.

— Завтра, — прошептал. В этом шёпоте прозвучала угроза и обещание, одновременно, — я найду тебя. Где бы ты ни была. И решу.

Он отстранился очень резко. Я увидела, как тяжело ему даётся этот шаг. Его мышцы напряглись, пальцы сжались в кулаки, а на лбу выступила испарина.

— Уходи, — сказал он резко, почти грубо, — убирайся из моей спальни, пока я не передумал.

Я не заставила себя ждать. Скользнула мимо него, чувствуя, как его взгляд сверлит мою спину, как он втягивает воздух, впитывая мой запах. На пороге я обернулась и посмотрела на него — стоящего посреди ванной комнаты, сжимающего кулаки, с глазами, в которых горел ад. Его грудь тяжело вздымалась, а по лицу пробегали судороги — он боролся с собой, и эта борьба была страшнее любой агрессии.

— Иди, пока я не сорвался, — процедил. А вот его повадки... он наклонил голову в бок и этот жест показался мне слишком очевидным. Альфа на грани.

Я выбежала в коридор, и дверь захлопнулась за мной с глухим стуком. Но я слышала, как он зарычал — низко, зверино, жадно. И от этого рыка по спине пробежал холодок, смешанный с жаром.

Я остановилась посреди коридора, прижимая руку к шее, где метка пульсировала в такт его дыханию. И поняла страшную вещь.

Я должна была пойти к себе. Как хорошая девочка. Запереться в своей комнате и ждать утра.

Но я не была хорошей девочкой. И завтра, когда он придёт, я буду ждать его с поднятой головой.

Не как добыча. Как противник.

Глава 4. Утро

Я хожу по периметру своей комнаты, одергивая форму, но ткань все равно кажется мне чужой, грубой. Мои пальцы дрожат, когда я поправляю воротник — в сотый раз за последние пять минут. Мой взгляд скользит по стенам, по собственным ногтям, даже в сторону окна — абсолютно неважно.

Потому что, если я перестану смотреть по сторонам, я начну слышать. Снова. Его голос внутри моей головы. Он не затихает даже сейчас.

В коридоре гул. Шаги. Смех. Обычное утро в Академии. Все омеги уже проснулись, они переговариваются, звенят ключами, хлопают дверями. Для них этот день — просто день. Завтрак, пары, сплетни. А для меня — всё кончилось еще до того, как началось. Я не помню, как добралась до своей постели вчера. Помню только панику.

Я замираю у зеркала и медленно, словно через силу, оттягиваю ворот блузки. Тональный крем лежит толстым, неровным слоем, но метка все равно проступает — багровая, чуть припухшая, живая. Она дышит. Пульсирует в такт моему сердцу. Кажется, если я проведу по ней пальцем, я почувствую его.

Я не прикасаюсь. Боюсь. Боюсь, что он откликнется. Что где-то там, в мужском крыле, этот незнакомый Альфа вдруг поднимет голову и почувствует мое волнение. Я точно не знаю, как работает метка, но одна только мысль об этом сжимает горло.

Я не хочу знать, кто он.

Но метка уже впиталась глубже, чем просто в кожу — она в моих мыслях. Она требует. Она тянет. Как будто внутри меня натянута невидимая нить, и она намотана на его запястье. И если он дернет — я упаду.

Всю ночь я лежала с открытыми глазами. Считала удары собственного пульса. Пыталась убедить себя, что это была случайность.

Но я слышала, как он сказал: «Хочу закрепить метку».

И в голосе не было сомнений. Только собственничество. Только голод.

Омег с детства готовят к этому. К тому, что твоя судьба — не твоя. Что Альфа может оказаться кем угодно — старым, жестоким, чужим. И ничего нельзя сделать. Только принимать. Только терпеть. И поэтому многие из нас сдаются раньше времени — позволяют себя «пробовать», становятся чьими-то ночными игрушками, лишь бы не остаться ничьими. Я презирала их. Я думала, что я сильнее. Я пришла в Академию, чтобы доказать, что могу быть независимой, что метка на шее — не приговор.

Горечь во рту становится такой острой, что я почти задыхаюсь.

Я только второй день здесь. Всего второй день. Я еще не успела запомнить лица, имена, коридоры. А уже принадлежу кому-то. Кому — я даже спросить не могу. Страх не дает мне выйти, но и оставаться здесь невозможно — стены давят, воздух спертый, и мне кажется, что если я не двинусь, я растворюсь в этом ужасе.

Стук в дверь — резкий, громкий — бросает меня в жар. Я отшатываюсь, прижимаю ладонь ко рту, чтобы не закричать. Сердце пропускает удар, и на секунду я вижу перед собой его силуэт в полумраке. Но голос оказывается женским, светлым:

— Эй, Мира, ты встала?

Алия.

Я выдыхаю так, что перед глазами темнеет. Дрожащими пальцами хватаюсь за ручку, распахиваю дверь. В комнату врываются Веста и Агата — они тут же начинают ходить по моей спальне, трогать мои вещи, как будто проверяют, не спрятала ли я что-то, что выдаст меня.

— Ты долго. Уже завтрак накрыли. — Алия останавливается напротив меня. Ее взгляд сразу же цепляется за мой воротник. Она хмурится, качает головой,— что за форма? У тебя блузка слишком высоко. Кто так носит?

— Так и нужно, — отвечаю глухо, — так задумано, — добавляю.

— А куда ты делась вчера? — Веста садится на край моей кровати, поправляет булавку-бабочку на груди, — мы тебя искали.

Я смотрю на них — таких обычных, беззаботных.

— Я… никуда не пошла, — отвожу взгляд к окну, за которым сереет утро, — задание было глупым.

— Я уже думала, что тебя съел Альфа, — смеется Агата, поправляя волосы перед зеркалом, — но вообще, это нормально. Испугаться чужой спальни, взять чужую вещь… Это рискованно.

— Но это было задание, — Алия сжимает губы, в голосе проскальзывает разочарование. Но она не давит — просто выдыхает, — ладно. Главное, чтобы остальные не узнали, что ты спасовала. Пойдем. Завтрак ждет.

Я сглатываю. Во рту сухо, как после долгого сна.

— На завтраке будут все? — спрашиваю, хотя уже знаю ответ. Все Альфы. Все те, среди которых — он. Или, возможно, его нет. И это еще страшнее — потому что он может появиться в любую минуту.

— Конечно. А что? — Веста поднимается с постели. В ее глазах мелькает любопытство.

— Да так… ничего, — я беру сумку. Пальцы дрожат так сильно, что я едва не роняю ее, — идемте.

Мы спускаемся в главный зал — и воздух здесь тяжелый, густой, пропитанный запахами еды, пота, духов и — главное — Альф. Сотни Альф. И мое тело откликается на каждого — мурашками, тошнотой, приливом паники. Столовая огромная, с высокими колоннами и длинными столами, за которыми уже сидят студенты. Смех, звон тарелок, гул голосов — все это накатывает на меня волной, и я цепляюсь за край стола, чтобы не упасть.

Я сажусь между Алией и Вестой, в самый конец, ближе к выходу. Я не поднимаю глаз. Я не ищу его. Но каждый раз, когда дверь открывается, я вздрагиваю, и внутри все обрывается. Я знаю — его нет. Я бы чувствовала. Метка под тональным кремом пульсирует, но не горит — значит, он не рядом. Но это спокойствие — ложное, хрупкое. Ведь скоро он будет здесь. Я знаю это так же верно, как то, что мое сердце стучит в груди. Как то, что я не смогу убежать от своей метки. Она найдет меня.

Он найдет меня.

И если он войдет в эту столовую, и его взгляд упадет на меня, я больше не смогу притворяться, что я свободна. Я сжимаю пальцами ложку и смотрю в тарелку, но не вижу еды. Перед глазами только его тень и она уже протягивает руку.

Глава 5. Завтрак и Рэй

Завтрак тянется бесконечно. Я ковыряюсь в тарелке, подношу ложку ко рту, но еда не лезет. Каждый кусочек кажется картонным, каждый глоток воды — слишком холодным, царапающим горло. Я слышу, как Веста что-то рассказывает о преподавателе по этике, как Агата смеётся над чьей-то неудачной причёской, как Алия обсуждает расписание. Но все эти звуки доносятся до меня словно сквозь толщу воды — приглушённые, искажённые, неважные.

Потому что моё тело напряжено до предела. Каждый нерв натянут, как струна. Я жду.

Я не знаю, чего именно. Но когда дверь столовой открывается с гулким стуком, и в зал входит группа Альф, я чувствую это раньше, чем успеваю поднять голову.

Метка на шее вспыхивает.

Не больно. По-другому. Горячо, пульсирующе, будто кто-то провёл раскалённым пальцем по моей коже. Я замираю, и ложка в моей руке звякает о край тарелки. Воздух вокруг становится плотным, тягучим, и я чувствую, как по позвоночнику пробегает холодная дрожь, смешанная с жаром.

Я поднимаю глаза.

Он стоит у входа, в окружении ещё троих Альф. Все они высокие, широкоплечие, одеты в безупречную форму — тёмные брюки, белые рубашки, расстёгнутые на верхнюю пуговицу. Но он — другой. Я узнаю его сразу. По осанке. По тому, как он держит голову, чуть наклонив её вбок — хищно, оценивающе. По тому, как его глаза, янтарные, почти светящиеся, медленно скользят по залу, сканируя пространство.

Он ищет меня.

Моё сердце пропускает удар, а затем начинает биться с такой силой, что я слышу его в ушах. Я отвожу взгляд, утыкаюсь в тарелку, сжимаю пальцы в кулак под столом. Мне нужно просто не смотреть на него. Просто не двигаться. Просто раствориться.

Но я чувствую момент, когда его взгляд находит меня.

Это как удар под дых. Как внезапный толчок в грудь, от которого перехватывает дыхание. Метка на шее пульсирует сильнее, требуя, чтобы я подняла глаза. Но я не поддаюсь. Я смотрю в тарелку, считаю крупинки риса, пытаюсь вспомнить, как дышать.

— Мира? — голос Алии вырывает меня из оцепенения. Она смотрит на меня с лёгким беспокойством, — ты как? Бледная какая-то, — добавляет.

— Всё хорошо, — выдавливаю , но голос звучит хрипло, чуждо, — просто… душно.

Я чувствую его взгляд на своей шее. На том месте, где под слоем тонального крема пульсирует его метка. Он знает. Он чувствует её так же, как и я.

— Ты смотри, — Агата толкает меня локтем, и я вздрагиваю, — там Рэй, я тебе говорила про него? Как будто бы нет... — она кивает в сторону группы Альф, и я невольно прослеживаю за её взглядом.

Она указывает на одного из них — высокого брюнета с острыми скулами и холодной, надменной улыбкой. Но я уже не слушаю. Потому что в этот самый момент Альфа, тот самый, поворачивает голову и смотрит прямо на меня. Его взгляд не просто падает на моё лицо. Он прожигает меня. Сканирует. Проникает под кожу, под одежду, под тональный крем, к моей пульсирующей метке, и там останавливается.

Его губы чуть изгибаются — не улыбка, а скорее оскал. Хищный, довольный. Он меня нашёл.

Я не выдерживаю. Смотрю в ответ. И в его глазах я вижу это — собственничество, холодную решимость, едва сдерживаемый голод. Но есть что-то ещё. Выбор? Он ещё не решил, что со мной делать. Это читается в его взгляде — борьба между диким желанием взять меня и

чем-то другим, более расчётливым. Он смакует момент. Он изучает мою реакцию, ищет страх, ищет панику.

Я даю ему их. Смотрю в ответ, но не отвожу взгляд. Пусть видит, что я боюсь. Пусть знает.

— …он сильный Альфа, — продолжает Агата, и я слышу её голос сквозь шум в ушах, — его отец — член Совета. Рэй уже сейчас идет по стопам отца. У него большое будущее.

— И не зря, — добавляет Веста, понизив голос, — говорят, он уже «поломал» двух омег в прошлом году. Но ни одна не осталась с ним дольше месяца.

— А в этом году, — Алия усмехается, — он взял новенькую. Вчера вечером. Я слышала, она сама к нему пришла.

Я не слушаю. Я смотрю на него. На Рэйя.

Сильный, влиятельный, опасный. Сын члена Совета. Тот, кого боятся. Тот, кто берёт омег и выбрасывает их через месяц.

И он выбрал меня.

Метка на моей шее горит, и я знаю, что он чувствует то же самое. Его взгляд становится тяжелее, и я вижу, как его пальцы сжимаются в кулаки. Он сдерживается. С трудом. Его ноздри расширяются, когда он втягивает воздух, и я знаю — он чувствует мой запах даже отсюда. Он знает, что метка пульсирует у меня на шее.

Что - то отвечает другим. Они перекидываются словами.

Он не идёт ко мне. Он просто стоит, прислонившись плечом к дверному косяку, и смотрит. Смотрит так, будто я уже принадлежу ему. Будто он уже решил, что я стану его следующей игрушкой. Но в его взгляде есть ещё что-то — задумчивость.

— Рэй смотрит сюда, — шепчет Веста, и я чувствую, как её пальцы сжимают мою руку, — он смотрит прямо на тебя. Мира, что ты ему сделала? — она говорит на выдохе.

— Ничего, — отвечаю ровно, хотя внутри всё дрожит, — я его впервые вижу.

Ложь.

— Он не спускает с тебя глаз, — Алия наклоняется ближе, пока в её голосе звучит тревога, — может, тебе стоит уйти?

— Нет, — отвечаю бойко и сама удивляюсь своей твёрдости, — если я уйду, он решит, что я боюсь. А я не боюсь.

Я вру. Я боюсь до дрожи в коленях. Но я не дам ему этой победы. Не сейчас.

Альфа медленно отталкивается от косяка и идёт к нашему столу. Его шаги — уверенные, размеренные, хищные. Каждый шаг — как удар по моим нервам. Я вижу, как остальные омеги за столом замирают, как их взгляды прикованы к нему. Как некоторые из них — особенно те, что постарше — смотрят на меня с завистью и страхом одновременно.

А я боюсь. Он не должен был идти ко мне!

Он подходит к нашему столу. Останавливается прямо напротив меня. И я чувствую его запах — мятный, терпкий, с древесными нотами, от которого у меня кружится голова. Метка на шее горит огнём, и я знаю, что он это чувствует.

Я сжимаю бедра между собой. Метка овладевает сознанием. Шепчет.

— Новенькая? — лениво спрашивает. Но это всё — напутственное.

— Да, — отвечаю. Мой голос почти не дрожит. Почти.

Его губы изгибаются в лёгкой усмешке. Он наклоняется ближе и я тут же чувствую, как его дыхание касается моего уха.

Только для меня.

Мне приходится сконцентрироваться, чтобы не потерять реальность. Я кусаю губу, ощущая предательство своего тела — оно дрожит и омега внутри меня пытается завладеть вниманием своего Альфы. Я душу в себе этот порыв.

— После второй пары придешь к загону на поле, — он говорит только для меня и в его голосе сталь. Тяжелый тембр голоса, — не болтай про нашу связь. Поняла?

Я тихо выдыхаю.

Он выпрямляется, смотрит на меня ещё мгновение, а затем разворачивается и уходит. Его друзья смеются, хлопают его по плечу, но я не слышу их голосов. Я слышу только стук собственного сердца.

— Что он сказал тебе? — Алия хватает меня за руку, и её голос дрожит, — Мира, что он сказал? — она повторяет.

— Ничего, — отвечаю, пока мои пальцы сжимаются в кулак так, что ногти впиваются в ладонь, — просто… обознался.

Я смотрю ему в спину — широкую, мощную, уверенную. Он идёт сквозь зал, и все расступаются перед ним. Все знают, кто он. Все знают, что он опасен.

И он связан со мной. Не потому что мы захотели. А потому что судьба, или случай, или глупое задание завели меня в его спальню, и его инстинкты взяли верх.

Метка на шее пульсирует, и я чувствую, как внутри разрастается что-то тёмное, липкое. Страх. Но не только страх. Что-то ещё — гнев, отчаяние, желание доказать ему, что я не его собственность. Что я не сломлюсь. Что я не стану одной из тех омег, которые приходят к нему сами и умоляют о внимании. Я не буду умолять. Я не буду просить.

Я не его.

Когда я поднимаю глаза, он уже у двери. Он оборачивается, и его взгляд встречается с моим. В его глазах я читаю всё — холодный расчёт, звериную сталь, уверенность в том, что я послушаюсь. И в этом взгляде я вижу обещание.

Агата шепчет мне на ухо:

— Что ты натворила, Мира? Рэй никогда так не смотрит на омег. Он смотрит на них как на вещи. А на тебя — как на…— она запинается.

— Как на добычу? — перебиваю. Голос дрожит.

— Нет, — качает головой Агата, когда её глаза расширяются, — как на чистое вожделение. Безумие.

И от этих слов мне становится ещё страшнее.

— Пара начинается. Пойдем, — тихонько зовет Веста.

Мне хочется остановить время.

Глава 6. Нервничаешь?

Пара начинается. Мы идём по длинному коридору, и мои ноги двигаются сами собой, автоматически, словно я превратилась в марионетку, которой управляет кто-то другой. Веста что-то говорит, Алия смеётся, Агата поправляет волосы перед витражным стеклом в высокой арке. Я слышу их голоса, но не понимаю слов — они доносятся до меня сквозь ватную пелену страха, которая окутала моё сознание с той самой секунды, как он наклонился ко мне и прошептал:

«После второй пары придешь к загону на поле».

Я иду, и внутри меня всё кипит. Гнев. Страх. Но больше всего — отчаяние. Безысходность. Словно я попала в ловушку, и каждый мой шаг только глубже затягивает петлю на моей шее. Метка пульсирует в такт сердцу — багровая, живая, и я чувствую, как она притягивает меня к нему.

К Рэю.

К Альфе, чьё имя теперь звенит в моей голове как приговор.

— Что-то ты молчишь, — Алия замедляет шаг, заглядывая мне в лицо. Её глаза — тёплые, карие, с лёгкой искоркой беспокойства — сканируют меня, — после того, что сделал Рэй…

— Он ничего не делал, — резко перебиваю, но голос звучит слишком напряжённо, слишком звонко, — он просто сказал… что обознался. Я же тебе уже говорила.

Я повторяю это как мантру. Себе в первую очередь. Ничего не было. Я не стояла в его спальне. Я не пряталась в ванной. Я не слушала, как он имеет другую омегу. Я не чувствовала, как его метка вжигается в мою шею, разрывая кожу на части.

Ложь. Ложь. Ложь.

Но я не могу рассказать им правду. Если они узнают, что я уже отмечена, что я принадлежу Рэю — пусть пока неокончательно, но всё же, — они посмотрят на меня иначе. Как на вещь. Как на его вещь. Так же, как смотрят на тех омег, которые сами приходят к нему, скулят и просят внимания. Я не хочу быть одной из них. Я скорее умру.

Мы входим в аудиторию. Это большой, светлый зал с высокими потолками, расписанными фресками. Ряды дубовых парт, наклонных, как в старых университетах, и широкий кафедральный стол в центре. Окна от пола до потолка выходят на внутренний двор, где ветер шевелит кроны старых дубов. Солнечный свет просачивается сквозь витражи, раскрашивая каменный пол в синие, золотые и красные пятна. Пахнет пылью, старым деревом и едва уловимым запахом мела.

Я сажусь на заднюю парту, ближе к стене, и чувствую, как каменная кладка холодит спину. Веста садится рядом, Агата и Алия — перед нами. Девушки сразу же начинают перешёптываться, но я отключаюсь. Я смотрю в окно, вижу, как ветер гонит облака, и мне кажется, что они движутся слишком быстро, словно время ускорилось. Две пары. Загон на поле. Я буду стоять перед ним. Одна. Без свидетелей.

Что он сделает? Закрепит метку? Сломает меня? Или просто посмотрит на меня, как смотрел в столовой — как на диковинную зверушку, которую он ещё не решил, оставить или выбросить?

Я сжимаю ручку так сильно, что костяшки белеют. В голове шум. Я пытаюсь сосредоточиться на голосе преподавателя — мужчина средних лет, омега, с усталым лицом, рассказывает о классификации генов, о том, как формируется иерархия среди Альф. Его голос монотонный, ровный, я цепляюсь за него, как за соломинку.

— …связь между Альфой и омегой, — неожиданно говорит преподаватель, и я вздрагиваю, — не просто биологический феномен. Это психологическая зависимость. Метка, которую ставит Альфа, закрепляет не только физическую, но и эмоциональную связь. Омега начинает чувствовать своего Альфу на расстоянии, её тело подстраивается под его желания, её мысли начинают тянуться к нему. Это древний механизм, который сложился эволюционно, чтобы обеспечить выживание потомства.

Я чувствую, как меня пробирает дрожь. Метка на шее начинает гореть, и я прижимаю ладонь к вороту, пытаясь унять боль. Это не просто слова.

— В редких случаях, — продолжает преподаватель, и в его голосе появляется тень предостережения, — метка может возникнуть спонтанно, за несколько секунд. Не требуется проводить время вместе. Это происходит, когда Альфа впервые ощущает омегу настолько остро, что его инстинкты берут верх, и метка просыпается. Такая связь неполная, но очень сильная. Она требует завершения. Альфа, оставивший спонтанную метку, обязан закрепить её в течение определённого времени, иначе связь может стать мучительной для обоих.

Я сглатываю. Метка пульсирует, и я чувствую, как в груди разливается тепло — его тепло. Он где-то рядом. Я знаю это. Я чувствую.

— Что с тобой, Мира? — Веста наклоняется ко мне, её голос тихий и взволнованный, — ты вся дрожишь.

— Ничего, — отвечаю, но голос срывается, — просто… мне надо выйти.

Я встаю так резко, что стул с грохотом отодвигается. Пару взглядов устремляются на меня, но я не обращаю внимания. Преподаватель поднимает бровь, но не останавливает. Я вылетаю в коридор. Дверь за мной захлопывается с глухим стуком.

Здесь холодно. Каменные стены, пустой коридор, только эхо моих шагов. Я прижимаюсь спиной к стене, закрываю глаза и пытаюсь дышать. Глубоко. Ровно. Я не позволю ему сломать меня. Я не позволю.

— Нервничаешь?

Голос раздаётся откуда-то слева. От неожиданности, я подпрыгиваю на месте. Поворачиваю голову и вижу его — Рэй. Он стоит в нише у окна, прислонившись плечом к каменной стенке. Его руки скрещены на груди, ноги скрещены в лодыжках, весь его вид — расслабленный, почти ленивый. Но глаза — янтарные, горячие — смотрят на меня с голодной напряжённостью. Он ждал меня. Знал, что я выйду.

— Ты следил за мной? — выдавливаю хрипло.

— Я чувствую тебя, — произнес скептически. Как факт. Он отталкивается от стены и делает шаг в мою сторону, — метка работает в обе стороны. Я знал, что ты выйдешь. Ты паниковала. Я почувствовал.

Он останавливается на расстоянии вытянутой руки и я ощущаю его запах — терпкий, мятный, животный. Метка начинает пульсировать быстрее. Я сжимаю пальцы в кулаки, чтобы не поддаться. Я не смотрю ему в глаза — смотрю в его грудь, на безупречную ткань его рубашки, под которой угадывается мощный торс.

— Зачем ты пришёл? — спрашиваю с дрожью, которую не унять, — я ещё не закончила пару.

— Знаю, — на его губах появляется кривая ухмылка. Он наклоняет голову, рассматривая меня, как изучают незнакомый вид, — я проходил мимо. Почувствовал твою панику, — в голосе проскальзывает низкая, рычащая нота, — решил убедиться, что у тебя нет проблем, омега, — он подчеркивает мое положение.

— У меня нет проблем, Альфа, — отвечаю со сталью, — как ты и сказал, увидимся на поле.

— Увидимся, омега.

Он разворачивается, не попрощавшись, и идёт по коридору. Его шаги — тяжёлые, уверенные, каждый отдаётся эхом в моей груди. Я смотрю ему в спину и чувствую, как внутри меня всё сжимается. Он хочет, чтобы я сопротивлялась. Потому что игра сделает охоту слаще.

Я возвращаюсь в аудиторию. Сажусь на место. Веста тут же бросает на меня тревожный взгляд, но не задаёт вопросов. Я смотрю в окно. Ветер всё так же гонит облака, и я чувствую, как метка на моей шее пульсирует в такт его шагам. Он уходит, но он всегда будет чувствовать меня. И я всегда буду чувствовать его. Связь не разорвать.

Он не отступит. Он слишком силён. И слишком голоден.

А я — я просто омега, которая пытается выжить.

Осталось всего полторы пары. Поле. Загон. И я. Одна. Перед ним.

Я сжимаю ручку, смотрю на преподавателя, который что-то говорит о древних традициях, и думаю только об одном: что делать, когда он будет стоять напротив меня? Как не сломаться?

Глава 7. Правила

Вторая пара тянется бесконечно. Я смотрю на преподавателя, но не вижу его — только тени, которые пляшут на его лице, только его губы, которые шевелятся, издавая звуки, не имеющие смысла. Я слышу, как скрипит мел по доске, как Веста шепчет что-то Агате, как где-то за окном каркает ворона — но все это словно из другого мира. В моем мире есть только пульс, который отсчитывает секунды до встречи, и метка, которая горит на моей шее, как клеймо, как обещание, как угроза.

Когда звенит звонок, я поднимаюсь так резко, что стул с грохотом отодвигается. Веста хватает меня за запястье — её пальцы холодные, цепкие. Она самая эмпатичная из омег, и переживает за меня с первого дня.

— Ты куда? У нас перемена, потом ещё одна пара. Ты не пойдёшь? — мягко спросила омега.

— Мне нужно… — я запинаюсь, пытаясь придумать оправдание, но голос предательски дрожит, — мне нужно в библиотеку. Я забыла кое-что, — вру. Снова. Но и правду сказать не могу. Поэтому, пытаюсь сказать убедительнее.

— Ты странная сегодня, — Алия подходит ближе. В её глазах мелькает подозрение, — Рэй тебя напугал? Только скажи, я поговорю со старостой Альф…— Алия сразу же заводится. Она пытается держать всё вокруг под контролем и соблюдать справедливость.

— Нет! — я перебиваю её слишком резко, слишком громко, и сама пугаюсь собственного голоса, — нет, всё хорошо. Просто… устала. Не выспалась, — призналась.

Алия смотрит на меня долго, изучающе, но потом кивает:

— Ладно. Возвращайся до звонка, — просит.

Я киваю и почти бегу к выходу. Коридоры пустынны — большинство студентов разошлись по аудиториям или в столовую. Мои шаги гулко отдаются от каменных стен, и мне кажется, что каждый звук, который я издаю, слышит он. Я не знаю, где находится загон. Я не знаю, как туда дойти. Но метка на шее пульсирует, и я чувствую, как она тянет меня вправо, на выход, к заднему двору, к полю.

Я выхожу на улицу, и ветер ударяет в лицо — холодный, колючий, с запахом влажной земли и прелых листьев. Здесь, за стенами Академии, мир кажется другим — просторным, диким, настоящим. Поле простирается до самого леса, огороженное старыми каменными стенами, увитыми плющом. Вдалеке я вижу загон — деревянное ограждение, потемневшее от времени, с высокой аркой входа. За ним — пустое пространство, где, говорят, Альфы тренируются, чтобы сдерживать свою звериную сущность.

И он стоит там. Один. Ждёт.

Рэй стоит посреди загона, прислонившись спиной к столбу ограждения, и сразу же находит меня своим нечеловеческим взглядом. Его поза кажется расслабленной — руки скрещены на груди, ноги чуть расставлены, голова наклонена вбок. Но я вижу, как напряжены его мышцы, как перекатывается желвак на скуле, как его грудная клетка вздымается слишком глубоко, слишком часто. Он не спокоен. Он голоден. И зол. В нём чувствуется порода — холодная, надменная сталь сына члена Совета, который привык, что весь мир подчиняется его желаниям.

Я мало что знаю про Совет. Но теперь, я вижу сына одного из представителей и мне несложно догадаться, как там паршиво. Всё держится у Альфа на контроле. Это их прераготива.

Я останавливаюсь у входа. Между нами — всего несколько метров, но мне кажется, что я стою на краю пропасти. Ветер шевелит его тёмные волосы, раздувает ворот рубашки, и я вижу,

как его глаза — янтарные, горячие — следят за каждым моим движением. В них нет тепла. Только собственничество. Только холодная, абсолютная власть.

Я делаю шаг в загон, и ноги дрожат подо мной. Земля здесь мягкая, податливая, и каждый шаг кажется мне слишком громким в этой звенящей тишине.

Я боюсь.

— Омега, ты пришла, — его голос разносится по загону, низкий, с ленивой, ядовитой насмешкой. А ещё там довольство. Тому, что я тут.

— Это мое решение. А не твое желание, — заявляю храбро.

Я сжимаю кулаки до боли. Этот голос — он проникает под кожу, заставляет кровь закипать. Я делаю ещё шаг, и вдруг — он оказывается рядом. Я не вижу, как он двинулся — просто в один миг он был в десяти метрах, а в следующий я врезаюсь спиной в грубую деревянную балку, и его тело прижимает меня к ней. Удар выбивает воздух из лёгких. Я слышу, как дерево скрипит под тяжестью нас обоих.

Его руки — сильные, горячие, с грубой силой, которая не оставляет сомнений в его намерениях — зажимают мои запястья над головой, прижав меня к балке. Его грудь прижимается к моей, и я чувствую каждый дюйм его тела — твёрдого, напряжённого, пылающего жаром. Его дыхание обжигает моё лицо, и я вижу его глаза вблизи — тёмные, почти чёрные, с вертикальными зрачками, которые расширились от голода.

— Ты думала, что придёшь сюда и будешь разговаривать со мной на равных? — его рычание раздается так резко, — ты думала, что я позволю тебе выбирать, омега?

Я пытаюсь вырваться, но его хватка железная. Я не могу сдвинуть его ни на миллиметр. Моё тело бьёт дрожь — и я ненавижу себя за то, что это не только страх. Я чувствую его слишком ярком. Осознанно. Внутри всё крутит от того, что он рядом. И это... это безумие. Такая реакция — мне страшно!

— Отпусти меня, — выдыхаю шёпотом, — не прикасайся ко мне.

— Не прикасаться? — он усмехается, но в этой усмешке столько холода, что по коже пробегают мурашки. Он наклоняется ниже. Его нос почти касается моей шеи, места, где пульсирует его метка. Я чувствую, как он вдыхает мой запах — глубоко, жадно, собственнически. И его тело в ответ на это напрягается ещё сильнее, прижимая меня к балке так, что каждая кость моя чувствует его давление, — ты теперь моя собственность. Моя вещь. Моя зверушка. И я буду прикасаться к тебе тогда, когда захочу.

В его голосе нет ни капли тепла. Только ледяная, абсолютная власть. И он это серьезно. Он — Альфа. Это в его характере. Он специально выводит меня. Чтобы задавить... а я ведусь, глупо и как истинная омега...

— Я не твоя зверушка, — шиплю. Ненависть придаёт мне сил, — я не вещь. Я не буду твоей игрушкой, — предупреждаю.

Его глаза сужаются. Он прижимается ещё ближе, и я чувствую, как его бёдра вжимаются в мои, как его тело полностью обхватывает моё, лишая любого пространства для движения. Я чувствую его возбуждение — твёрдое, недвусмысленное — и внутри меня всё переворачивается от стыда и злости.

— Ты будешь тем, кем я скажу, — его голос становится тихим, почти интимным, и это хуже любого крика, — ты можешь кричать, можешь бороться, можешь ненавидеть меня. Это ничего не изменит. Метка уже на тебе. Ты моя. И этого не изменить, омега. Я также не в восторге, — цедит.

Я сжимаю зубы, и внутри закипает такая ярость, что я почти чувствую её на вкус — горькую, железную. Метка на шее пульсирует, но я заставляю себя не поддаваться.

— Ты можешь просто оставить это. Метка, она... я не буду обращать на нее внимание и жить дальше. А ты пойдешь своей дорогой, Альфа, — выдыхаю, глядя ему прямо в глаза, — это выгодное предложение.

Он смотрит на меня так, будто я только что сказала что-то очень забавное. В его глазах мелькает что-то тёмное, почти хищное.

— Твое выгодное предложение, — повторяет он с усмешкой, — я не в восторге. Но кто сказал, что я собираюсь отказаться от омеги, — он продолжает властно, — нет, омега. Моя метка на тебе и это моя проблема, теперь.

Его пальцы сжимают мои запястья почти до боли, и он подаётся вперёд, прижимая меня к балке так сильно, что я чувствую, как дерево впивается в лопатки. Его голос становится жёстким, как сталь, — голос человека, который привык, что ему подчиняются без вопросов.

— Запомни, омега, — чеканит он каждое слово, — отныне, у тебя существуют мои границы. Обговорим их сразу, — он говорит грубо и так, закрепляет эффект, — ты не будешь разговаривать с другими Альфами. Ты не будешь смотреть на них. Ты вообще не будешь замечать их существования. Поняла?

— Это абсурд, — выдавливаю, пытаясь вырваться, — ты не можешь…

— Могу, — перебивает ледяным тоном, — потому что я — Альфа. А ты, моя омега и проблема. Мой ручной зверек. Я привык получать то, что хочу, и я привык контролировать то, что принадлежит мне. А ты, — он наклоняется ещё ближе, и его губы почти касаются моего уха, — ты теперь принадлежишь мне.

Я чувствую, как его горячее дыхание обжигает кожу, и внутри всё сжимается от страха и ненависти.

— Никаких вечеринок, — продолжает абсолютно властно, — никаких ярких макияжей, никаких нарядных платьев, которые привлекают внимание других Альф. Ты будешь серой, Мира, — он произносит моё имя, смакуя. Пробуя... уже узнал? — ты будешь незаметной. Для всех, кроме меня. Только для меня ты будешь существовать. Когда я захочу тебя увидеть, ты придёшь. Когда я захочу тебя коснуться, ты позволишь. И ты будешь молчать. Ты поняла?

Я смотрю на него, и внутри меня закипает такая ненависть, что я почти не чувствую страха. Из всех Альф, мне достался просто бешеный ублюдок.

— Ты не можешь запереть меня в клетке, — шиплю. Мне хочется сказать многое, но вырывается в порыве лишь первые ассоциации его границ.

— Я не запираю тебя, — его голос становится почти ласковым, но в этой ласке больше жестокости, чем в любом крике, — я даю тебе свободу. В определённых границах. Ты будешь ходить на учёбу. Будешь жить в своей спальне. Ты можешь общаться с омегами. Но никаких Альф. Никакой яркой жизни. Ты будешь существовать, как тень. И когда я захочу, чтобы ты была рядом — ты будешь рядом.

— Я не буду твоей марионеткой, — выдыхаю, но голос предательски дрожит. Ублюдок, — зверушкой. Забудь, Альфа, — жарко шепчу.

— Будешь, — отчеканил, — если ты нарушишь мои правила, я найду способ наказать тебя соответствующе.

Он наклоняется. Его губы касаются моего уха. Я чувствую его горячее дыхание, и по телу пробегает дрожь, которую я не могу контролировать.

— Я жду, — шепчет. В его голосе — ожидание, сталь, и что-то тёмное, почти жестокое, — что ты поняла мои правила. Теперь докажи, что ты действительно их приняла.

Я растеряно моргаю. Поджимаю губы. Мне хочется убежать. Мысль о том, что зря я пришла... очень зря... но он держит. Он — сильнее. И мне в какой-то степени придется идти с ним на контакт. Просто чтобы выжить.

Слова о наказании звучат тревожно. Меня никто и никогда не наказывал... это невозможно. Но, ему я верю. Этот ублюдок может меня прихлопнуть одной рукой.

— Что ты хочешь? — шепчу. Поднимаю взгляд на него. Дрожу. То, *как* он смотрит — жадно, так жадно, с таким желанием, что мне физически становится тяжело выдержать его ауру. И как он... сдерживается? Мне становится дурно от его силы. Я его абсолютно не знаю.

— Дай мне попробовать твои губы. Докажи, что ты послушная зверушка, когда я этого хочу.

Я замираю. Внутри меня всё кричит о сопротивлении, но его глаза — тёмные, голодные — не оставляют выбора. Его пальцы сжимают мои запястья так сильно, что кости ноют, а его тело прижимает меня к балке, лишая любого пространства для манёвра.

— Я не буду целовать тебя по приказу, — говорю неуверенно.

Не буду... омега внутри меня бунтует... попробовать истинного...

— Будешь, — поправляет, — потому что если ты откажешься, я докажу тебе, что такое настоящий контроль. И это будет не просто поцелуй, Мира. Это будет урок.

Он смотрит на меня с голодной, почти звериной жаждой. Его глаза прожигают меня, и я чувствую, как метка на шее пульсирует в ответ на его желание. Он хочет меня — физически, животно.

И я делаю это. Медленно, словно через силу, я поднимаю голову. Мои губы дрожат, когда я приближаюсь к нему. Я чувствую его дыхание на своём лице, вижу, как его зрачки расширяются от предвкушения.

Мир замирает. В этот момент.. меня прошибает пот, а колени дрожат сильнее. Я понимаю, что мне придется выбирать — его урок или поцелуй.

— Ты победил, — хрипло говорю, с горечью, — но только сегодня.

Его губы касаются моих — грубо, собственнически, без капли нежности. Он целует меня так, будто берёт то, что принадлежит ему по праву. Его язык врывается в мой рот, исследуя, пробуя, заявляя права. Его пальцы впиваются в мои запястья до боли, а другая рука сжимает мою талию, притягивая ещё ближе. Я чувствую его вкус — терпкий, мужской, пьянящий — и внутри меня всё переворачивается от стыда и запретного желания.

Мой первый поцелуй лишает сил. Он словно пьет меня — так жадно. Ему мало. Он рычит и кусает губу. Хочет больше. И его держит только его слово — он только попробует меня. Но боюсь, этим, я сделала только хуже — зверю будет мало. Альфа не насытится.

Когда он отрывается от моих губ, я тяжело дышу, чувствуя, как горят мои щёки. Он смотрит на меня сверху вниз, и в его глазах — голод, торжество и обещание.

— Хорошая девочка, — говорит одобрительно, — я знал, что ты можешь быть послушной. Ты просто хотела, чтобы тебя заставили.

Он проводит большим пальцем по моей нижней губе — медленно, почти невесомо — и я чувствую, как моё тело откликается на его прикосновение.

— Я запомнил вкус. И твой невинный аромат... если кто-то тронет моё, почувствую, — в его голосе чистая угроза. Он чеканит грубо, — можешь идти, — он резко отпускает.

А у меня кружится голова.

Я смотрю на него, и внутри меня закипает ярость. Но я молчу. Я разворачиваюсь и иду к выходу, чувствуя его взгляд на своей спине — тяжёлый, голодный, собственнический.

Глава 8. Планы на вечер

Я возвращаюсь в академию. Каждый шаг даётся мне с трудом. Ноги будто налиты свинцом, а в ушах всё ещё звучит его голос — низкий, рычащий, с той ледяной властностью, от которой внутри всё сжимается в тугой узел.

«Ты теперь принадлежишь мне».

Я провожу дрожащими пальцами по губам — они всё ещё горят от его поцелуя. Грубого, жадного, собственнического. Я чувствую его вкус на языке — терпкий, мужской, пьянящий — и ненавижу себя за то, что моё тело помнит его прикосновения. Что метка на шее пульсирует в такт сердцу, напоминая о нём. Что между ног всё ещё разлита та тягучая, влажная тяжесть, которая появилась там, когда он прижал меня к балке.

Разговор не носил в себе хоть малейшей конструктивной части. Он меня предупредил. Решил и обозначил. Но все таки, из его речи стало понятно, что он не желает видеть меня своей парой. Просто... зверушка. И это ещё больше меня выводит из себя, как омегу. Пренебрежение и... а если бы я хотела быть его парой? Приходилось бы просить его?

Щеки пылают. Я не готова к такому. Мне стоит написать родителям. Или... не стоит. Для них это возможность возвыситься. Родительски — детские отношения у нас холодные и бесчувственные, но уверена все изменится, узнай они эту новость.

На душе стало еще хуже.

Не нужно было поступать сюда. Надо было привести родителям доводы или... я покрываюсь мурашками от мысли, что это один из пунктов их плана.

Я вхожу в главный корпус, и тишина коридоров окутывает меня, как холодный туман. Здесь пахнет старым камнем и воском, и эти запахи кажутся мне сейчас почти успокаивающими — они не имеют к нему никакого отношения. Но стоит мне сделать несколько шагов, как я чувствую его. Опять.

Он где-то рядом.

Метка на шее вспыхивает горячей пульсацией, и я замираю посреди коридора, вцепившись пальцами в лямку сумки. Сердце пропускает удар, а затем начинает биться с такой силой, что я слышу его в ушах. Я поднимаю глаза и вижу их — группу Альф, стоящих у широкого стрельчатого окна в конце коридора. Они смеются, переговариваются, и среди них — он.

Рэй.

Он стоит в центре, чуть впереди остальных, прислонившись плечом к каменному подоконнику. Его друзья что-то говорят ему, хлопают по плечу, но он не смотрит на них. Его янтарные глаза уже нашли меня, и в них нет удивления — он знал, что я здесь. Он чувствовал меня так же, как я чувствовала его. Его поза кажется расслабленной, но я вижу, как напряжены его мышцы, как сжимаются пальцы на предплечьях, как перекатывается желвак на его скуле. Он слушает друзей, иногда кивает, иногда коротко усмехается чьей-то шутке, но его внимание — полностью моё.

Он смотрит на меня сквозь толпу, сквозь смех и разговоры, и я чувствую его взгляд каждой клеткой своего тела. Тяжёлый, голодный, собственнический. Он следит за тем, как я стою, как я дышу, как мои пальцы сжимают лямку сумки. Я вижу, как его ноздри едва заметно расширяются, когда он втягивает воздух — он чувствует мой запах даже отсюда. И я вижу, как его челюсть сжимается от усилия, когда кто-то из друзей толкает его локтем, отвлекая от меня.

Я должна пройти мимо них. Это единственный путь к аудитории.

Я делаю шаг. Второй. Третий. Каждый из них даётся мне с трудом, потому что я чувствую его взгляд на себе. Он не двигается, не делает попытки приблизиться — просто стоит в окру-

жении своих, и наблюдает. Как хищник, который не торопится. Который знает, что добыча никуда не денется.

Когда я прохожу мимо, на расстоянии нескольких метров, я слышу его смех — низкий, хриплый, в ответ на чью-то реплику.

Я не оборачиваюсь. Я иду дальше, чувствуя, как его взгляд сверлит мою спину, как он провожает меня до самого поворота. И когда я сворачиваю за угол, я выдыхаю так, что перед глазами темнеет.

Он был на грани. Я видела это по тому, как он разминал шею, как его грудная клетка вздымалась слишком глубоко, как он сдерживал зверя, который рвался наружу. Он позволил мне уйти. Но я знала — это было временно. Он ждёт. Он наблюдает.

Я влетаю в аудиторию, и дверь за мной с грохотом захлопывается. Веста оборачивается, и в её глазах мелькает тревога.

— Мира? Ты вся бледная, — шепчет она, когда я сажусь рядом, — что случилось?

— Ничего, — отвечаю, но голос звучит слишком резко, слишком напряжённо, — просто… я же говорила, не выспалась.

Агата и Алия переглядываются, но ничего не говорят. Я смотрю в окно и вижу, как ветер гонит по небу облака.

— .. а Эмма мне говорит, закатай губу. Представляете? — Агата возмущается.

— Ну, она влюблена в Альфу... немудренно... — бормочет Алия.

— О чем вы? — пытаюсь избавиться от мыслей.

— Да, тут история... — Агата замолкает на секунду, когда входит преподаватель, — потом расскажу, —шепчет.

Начинается пара. И мое волнение медленно успокаивается.

* * *

После занятий, когда мы выходим в коридор, Алия хватает меня за руку и тянет в сторону. В её глазах горит предвкушение.

— Сегодня будет вечер омег, — она едва не визжит, пока я чувствую, как внутри всё сжимается, — но с сюрпризом. Мы пригласили Альф. С этим и связана моя история. Там будет Альфа, который мне нравится. Ну, и одной омеги тоже, — признается, смотря на меня с торжеством.

— Что? — я замираю, чувствуя, как кровь отливает от лица, — зачем? То есть... зачем Альфы? Их ведь достаточно и в коридорах.

А в душе появляется подозрение. Возможно поэтому Рэй сказал мне о своих правилах? Знал о том, что будет сегодня?

— Это традиция, — Агата подходит ближе, её глаза блестят, — раз в семестр мы проводим совместный вечер сразу после вечера омег. Омеги и Альфы. Никаких обязательств, просто танцы, разговоры, знакомства. Многие находят себе пару именно на таких вечерах. Или хотя бы просто веселятся.

Я сглатываю. Внутри меня всё переворачивается. Это совсем не то, что мне нужно сейчас. Хочу я или нет, но после разговора в душе остался осадок. А губы, которые хранили вкус Альфы, служили дополнительной мотивацией.

— Но Рэй будет там? — спрашиваю хрипло.

Алия усмехается, рассматривая меня:

— Рэй всегда там. Это его территория.

Я закрываю глаза. Мне хочется провалиться сквозь землю. Я знаю, что если он увидит меня там, среди других Альф, если он заметит, что я разговариваю с кем-то ещё…

«Ты не будешь разговаривать с другими Альфами. Ты не будешь смотреть на них».

Его слова звучат в моей голове.

Я чувствую, как метка на шее начинает пульсировать.

— Я не пойду, — говорю твёрже, чем я чувствую себя, — я не хочу. Просто... я только пришла и столько событий. Мне хочется просто посидеть у себя.

— Мира, — Веста берёт меня за руку и в её глазах — мольба, — это просто вечер. Никто тебя не заставит танцевать с тем, с кем ты не хочешь. Сейчас самый лучший период — середина первого семестра. Поэтому столько вечеров заняты. У нас нет экзаменов и мы не всех знаем, так что... не бросай нас, — она обвела взглядом остальных, — из нас получилась отличная компания. Так ведь? Будем держаться вместе.

— И правда, — Алия хватает меня за руку и ободряюще сжимает, — мы — рядом.

Я смотрю на них, ощущая, как внутри всё сжимается.

Мне некуда бежать. Рэй будет там.

И он будет ждать, что я нарушу его правила. И если я нарушу…

«Если ты нарушишь мои правила, я найду способ наказать тебя».

Я сжимаю кулаки и поднимаю голову.

К черту... так ведь не может быть всё время. Я не зверушка.

— Хорошо. Я приду. Но только чтобы поддержать вас, — бормочу.

Веста улыбается, и я вижу облегчение в её глазах.

— Тогда увидимся в южном крыле в девять. Только… надень что-нибудь красивое, — подмигивает Агата.

Я киваю, но внутри меня всё сжимается от страха.

Сегодня вечером я встречусь с ним снова.

И если я сделаю неверный шаг…

Глава 9. Переписка

После занятий я чувствую себя выжатой, словно из меня выкачали всю энергию, оставив только пустую оболочку. Веста что-то говорит о платьях, Агата обсуждает прически, Алия смеется, но все эти звуки проходят сквозь меня, не задерживаясь. Я механически киваю, улыбаюсь, когда это требуется, и с нетерпением жду, когда смогу остаться одна.

Мы расходимся у лестницы: они — вниз, в свои спальни, я — наверх, в свою башню. Каменные ступени знакомо скрипят под моими ногами, и каждый шаг отдается эхом в пустом коридоре. Когда я добираюсь до двери и закрываю ее за собой, я наконец позволяю себе выдохнуть.

В комнате тихо. Только ветер завывает за окном, да старые дубы царапают ветками стекло. Я опускаюсь на край кровати, прижимаю пальцы к вискам и пытаюсь собраться с мыслями. Они разбегаются, как испуганные птицы, каждая уносит с собой кусочек моего спокойствия.

«Сегодня будет совместный вечер».

«Рэй будет там».

«Ты не будешь разговаривать с другими Альфами».

Я закрываю глаза, и передо мной встает его лицо — резкие скулы, тяжелый взгляд, кривая усмешка на губах, которые всего несколько часов назад касались моих. Я чувствую его запах снова, слышу его низкий голос, который врезался в мою память, как клеймо.

Я встаю и подхожу к сумке, где лежит мой старый, почти забытый телефон. На экране — пропущенные вызовы от родителей. Два. Я не отвечала утром, и теперь они звонят снова. Я делаю глубокий вдох и нажимаю кнопку вызова.

После второго гудка мать берет трубку:

— Мирослава.

Голос у нее ровный, деловой. Никакого беспокойства, никакого «как дела?», только констатация факта, что я все же соизволила ответить.

— Здравствуй, мам, — отвечаю, стараясь, чтобы голос звучал уверенно, хотя внутри все дрожит.

— Мы звонили утром. Ты не ответила, — заметила.

— Была на парах, — отвечаю коротко. В трубке повисает тишина.

— Как учеба? — спрашивает она наконец, и я слышу, как отец что-то говорит ей на заднем плане. Голоса их смешиваются, становятся неразборчивыми.

— Нормально, — говорю, но сама не верю в это слово. Я с первого же дня "отметилась", — я… я устроилась. Есть новые знакомые.

— Это хорошо, — голос матери становится чуть мягче, и я почти слышу ее улыбку, — мы надеялись, что ты быстро вольешься. Академия дает хорошие связи.

То есть перспективные знакомства. Конечно. Они не говорят этого вслух, но я знаю — они ждут, что я найду выгодную партию. Альфу с положением. Омега в нашей семье — это всегда был ресурс.

— У меня все в порядке, — повторяю, — но я позвоню позже, мам. Я устала, — признаюсь.

Сил разговаривать с ней нет. Тут нужно терпение. И сегодня, я уже его потратила на Альфу.

— Что ж... Хорошо, Мирослава. Будь умницей, — говорит мама с одобрением, — я жду от тебя рассказов и новостей. Мне хочется чтобы тебе было комфортно.

Она кладет трубку. Я смотрю на телефон с минуту. Пустота внутри становится огромной. Я хотела бы услышать от них что-то большее — тепло, поддержку. Но они всегда были такими — сдержанными, холодными, правильными.

Я откладываю телефон в сторону. Дрожь внутри не уходит, но я заставляю себя двигаться: открываю шкаф, перебираю немногочисленные платья.

«Надень что-нибудь красивое»,— говорила Агата.

Я смотрю на тонкое светло-голубое платье, которое купила в прошлом году, но ни разу не надела. Оно простое, но изящное — с открытыми плечами и струящейся юбкой до колен. Я провожу пальцами по ткани, и внутри что-то сжимается.

Платье красивое. И в нем я уж точно не буду серой мышкой...

Я решаю надеть его.

Когда я стою перед зеркалом, платье ложится по фигуре, подчеркивая талию и открывая плечи. Ткань переливается в свете лампы мягким, перламутровым блеском. Я смотрю на свое отражение — бледное лицо, темные круги под глазами, чуть припухшие от поцелуя губы — и чувствую себя чужой. Как будто смотрю на другую девушку, которая пытается выглядеть сильной, хотя внутри все дрожит.

Я и правда собираюсь тягаться с Альфой?

Я закалываю волосы в небрежный пучок, оставляя несколько прядей обрамлять лицо. И тут мой телефон издает короткий звук — пришло сообщение.

Я беру телефон, пока сердце пропускает удар. Неизвестный номер. Я открываю сообщение с опаской.

«Маленьким омегам лучше сидеть в своей спальни и не высовывать свой нос вечером».

Я не спрашиваю, кто это. Я знаю. Только у него может быть такой тон — холодный, властный, не терпящий возражений.

Рэй.

«Я не могу», — печатаю я, но стираю. Снова печатаю: «Я хочу побыть с друзьями», — и снова стираю. Я смотрю на экран, а в голове пустота.

Что, если я не послушаюсь? Что, если я пойду на этот вечер, и он увидит меня в этом платье, увидит, как я разговариваю с другими? Он же предупреждал меня. Это не просто просьба — это приказ. И если я нарушу его правила…

Я зажмуриваюсь, и в голове всплывает его голос: *«Если ты нарушишь мои правила, я найду способ наказать тебя».*

Я чувствую, как метка на шее начинает пульсировать — медленно, тяжело. Он чувствует мое замешательство.

Я смотрю на телефон, и вдруг мне становится ясно: он не просто ждет. Он проверяет меня.

Я делаю глубокий вдох.

Я пишу: *«Я хочу отдохнуть с подругами без последствий. Несколько часов».*

Я отправляю сообщение и чувствую, как сердце стучит в груди так громко, что, кажется, слышно в соседней комнате. Проходит минута, две. Тишина. А затем короткий звук уведомления. Я смотрю на экран, и внутри все обрывается.

Он ответил одним резким:

«Твой выбор».

Я смотрю на экран, пока по спине пробегает холод. В этих двух словах — угроза. Обещание. Он принял мой вызов.

Я провожу пальцами по губам, вспоминая его поцелуй, его вкус, его собственные ладони на моей талии. И внутри что-то шевелится — не страх. Что-то другое, темное, опасное, что я не хочу признавать.

Я сжимаю телефон в руке и смотрю в зеркало на свое отражение. В моих глазах — вызов, страх. Я не знаю, что он сделает, когда увидит меня там.

Но сегодня вечером я не отступлю.

Глава 10. Вечер

Южное крыло гудело, как потревоженный улей. Ещё у входа я почувствовала это напряжение — смесь духов, возбуждения и едва уловимого запаха тревоги, который всегда сопутствует большим скоплениям омег. Мы спускались по широкой каменной лестнице, и с каждым шагом гул голосов становился всё громче, всё насыщеннее.

Зал, где проходил вечер, был великолепен. Я замерла на пороге, поражённая масштабом. Стены из тёсаного камня были задрапированы тёмно-бордовым бархатом, который придавал помещению одновременно и роскошь, и мрачную торжественность. Огромные канделябры с сотнями свечей отбрасывали на лица танцующих тёплые, пляшущие блики, превращая зал в калейдоскоп теней и света. Вдоль стен стояли низкие столики с закусками и напитками, а в центре, на слегка приподнятом помосте из тёмного дуба, уже кружились первые пары. Музыка лилась из старинного фортепиано, за которым сидел седой омега в очках — он играл легко, виртуозно, и мелодия разливалась по залу, проникая в каждую клетку тела.

Воздух был густым, тёплым, пропитанным запахами цветов, воска, дорогих духов и — вездесущего, неистребимого — запаха Альф. Они стояли группами у стен, прислонившись плечами к бархатным драпировкам, и наблюдали за омегами, как хищники за стадом.

— Ну как? — Алия появилась рядом, её глаза блестели в свете свечей. Она была в изумрудно-зелёном платье, которое подчёркивало цвет её глаз, а волосы были уложены в сложную причёску с вплетёнными в неё маленькими жемчужинами, — впечатляет?

— Да, — выдохнула искренне, — очень красиво.

— Ой, Мира, — Веста схватила меня за руку и сжала, — ты такая красивая! Это платье... оно просто волшебное!

Я посмотрела на неё. Веста выбрала нежно-розовое платье с воздушной юбкой, которое делало её похожей на ожившую фею. Блондинистые волосы были распущены и слегка завиты, падали на плечи мягкими волнами. Агата была в чёрном, облегающем платье с разрезом до бедра, которое подчёркивало каждый изгиб её фигуры, а на губах у неё алела яркая помада. Она выглядела как хищница, готовая к охоте.

— Да вы все красивые! — Алия улыбнулась, обведя нас взглядом, — мы — отличная компания. Сегодня обязательно будет весело, — она подмигнула, — и мы найдём вам парней. Хотя бы для танцев.

Я попыталась улыбнуться в ответ, но внутри всё сжалось. Парни. Альфы. Я не хотела этого. Я хотела только тихо пережить этот вечер, не привлекая к себе внимания, не сталкиваясь с Рэем. Но я знала — это нереально.

— Давайте просто наслаждаться вечером, — тихо сказала, — без планов и ожиданий, — я сделала вид, что рассматриваю толпу.

Мы прошли внутрь, и толпа поглотила нас. Я держалась ближе к подругам, чувствуя себя чуть увереннее в их компании. Агата сразу же куда-то исчезла, оставив нас у одного из столиков. Алия взяла бокал с игристым напитком, протянула мне:

— Попробуй. Это яблочный сидр. Слабый и вкусный. Всегда подают на таких вечерах. Я слышала, скоро Альфы со второго и четвертого курса уже здесь, — она тоже что-то унюхала?

Веста стояла рядом, слегка пританцовывая в такт музыке, и её глаза сияли.

— Я хочу потанцевать, — призналась она, — Мира, пойдём со мной? Я так давно не танцевала.

— Давай чуть позже, — улыбнулась, — дай мне привыкнуть ко всей этой атмосфере, — попросила.

Я обвела взглядом зал, стараясь не фокусироваться на лицах, не искать его. Но метка на шее, скрытая под тональным кремом, начала пульсировать — медленно, настойчиво, предупреждающе. И я поняла: он здесь.

Я сделала вид, что поправляю локон, и украдкой огляделась. И нашла его почти сразу. Рэй стоял у дальней стены, в окружении трёх Альф. Его лицо было мрачным, почти злым. Он смотрел прямо на меня и в его взгляде я прочитала всё: холодную ярость, собственничество, и с трудом сдерживаемый гнев. Его пальцы сжимали бокал с тёмной жидкостью с такой силой, что костяшки побелели, а челюсть была сжата так, что на скулах заиграли желваки.

Вот чёрт. Он ждал меня здесь. И теперь он видел меня — в этом платье, с открытыми плечами, среди других омег. Я была не просто в его поле зрения — я была в его территории. И я знала: он это запомнит.

Я отвела взгляд. Он был хорош. Небрежно одет и весь его вид был бы расслабленным, если бы не лицо и эмоции.

Я сделала глубокий вдох и постаралась расслабиться, хотя внутри всё дрожало. Я не подойду к нему. Я не буду смотреть на него. Я просто буду здесь, с подругами, и если он подойдёт ко мне... я не знаю, что сделаю. Но я не отступлю.

— Мира? — Веста коснулась моего плеча, — ты как?

— Всё хорошо, — выдавила улыбку, — просто... я не привыкла к таким большим вечерам. Но я в порядке. Честно, — заверила подругу.

— Ну и хорошо. Я вижу, тебе тяжело привыкнуть к Академии. Я тоже привыкала долго, — призналась Веста.

— Да, это и правда... тяжело. Быть в напряжении из-за Альф...

— Они скоро едут на несколько дней. Им нужно хм... "слить" свою агрессию. Будет что-то типо боев. В общем-то, оттуда они приедут более спокойными, — прошептала Веста. Это была отличная новость. Я невольно расслабилась — то, что нужно.

Алия тем временем уже завела разговор с каким-то Альфой, они что-то обсуждали, смеялись. Агата вернулась, ведя под руку высокого парня с тёмными волосами и уверенной улыбкой.

— Познакомьтесь, это Марк, — она подмигнула ему, — он с третьего курса. И он хочет пригласить на танец.

— Да, и я надеюсь, что ваша подруга тоже не будет против, если мы украдём её на пару минут, — вежливо сказал Марк. Я тут же заметила, как его взгляд скользнул по мне. Быстро, оценивающе, но без неприязни.

— Я пока не готова танцевать, — ответила, чувствуя спиной его взгляд, — давайте вы, а я постою здесь, выпью сока.

— Ладно, — Агата кивнула и улыбнулась, — но ты обязательно присоединишься к нам. Это же вечер! — она увлекла парня в центр зала.

Я осталась стоять у стены, прижавшись спиной к прохладному камню, и сделала глоток. Сок был сладким и шипучим, и на мгновение, я почти забыла о том, как метка на моей шее пульсирует. Почти.

А потом я услышала шаги.

Рядом с Вестой появился высокий Альфа с коротко стриженными светлыми волосами и холодными темными глазами. Он уже навис над ней, и Веста тут же испугалась — её плечи были напряжены, пальцы сжимали край платья, она пыталась отступить назад, но он преграждал ей путь. Рядом с ним она была такой маленькой и беззащитной, что мое сердце сжалось.

— Я сказал — потанцуй со мной, — его голос был низким, настойчивым, не терпящим возражений.

— Я... я не хочу, — прошептала Веста с дрожью, — извините, но я...

— Ты красивая омега, — он перебил, — я не привык получать отказы. Иди сюда.

Он потянулся к её запястью, и я увидела, как она вздрогнула.

Внутри меня что-то щёлкнуло. Страх, который сковывал меня весь вечер, вдруг отступил, уступив место чему-то другому — ярости. Я не думала. Я сделала шаг вперёд и оказалась между Вестой и Альфой.

— Она сказала «нет», — мой голос прозвучал твёрдо, почти резко, — может, вы не расслышали? — грозно спросила.

Альфа уставился на меня с удивлением. Его глаза сузились, а на его губах заиграла неприятная усмешка.

— Что? — он наклонил голову, оценивая меня. Он был выше, шире в плечах, и от него исходил запах терпкого, горячего возбуждения — он не привык, чтобы ему перечили, — ты кто такая?

— Я её подруга, — сказала смело, глядя ему прямо в глаза, — и я сказала — она не хочет танцевать с тобой, — повторила, чеканя.

— Мне не нужна твоя защита для моей омеги, — он усмехнулся, но в его голосе появились металлические нотки, — убирайся. Я разговариваю не с тобой. Или хочешь, чтобы я показал, что бывает, когда такие как ты лезут не в своё дело?

Он шагнул ко мне. Я почувствовала, как его запах ударил в ноздри — агрессивный, доминирующий. Я сжала кулаки и, несмотря на дрожь в коленях, не отступила.

— Я не боюсь тебя, — сказала спокойно, хотя сердце колотилось в груди, — у тебя нет права принуждать омегу к чему-то против её воли. Оставь нас в покое.

Он сделал ещё шаг, и я уже приготовилась к тому, что он схватит меня, но вдруг его руку перехватила другая — сильная, безжалостная, сжатую в стальной захват.

— Она сказала — отстань. Разве ты не слышал, Дэн? — голос Рэя был ледяным, отточенным, как клинок, и от него по спине пробежал холод.

Дэн замер. Его лицо исказилось от удивления, но он быстро взял себя в руки. Он посмотрел на Рэя в ответ. В его глазах промелькнула злость и раздражение.

— Рэй, это моя омега, — обозначил.

Рэй сжал его руку сильнее.

— Никогда не прикасайся к тем, кто рядом со мной, — процедил Рэй со сталью, — если эта маленькая омега твоя, то прояви больше сообразительности. А та, *на которую смотрю я*, ты и пальцем не тронешь. Пожалеешь. Мы поняли друг друга?

Вокруг витал запах Альф. Агрессия.

Дэн усмехнулся.

— Понял, друг, — он посмотрел снова на Весту. На этот раз, с обещанием. Я услышала, как омега нервно выдохнула.

Дэн сразу же исчез в толпе, и я выдохнула, чувствуя, как дрожат мои руки.

Но выдохнула рано.

Рэй повернулся ко мне. Его взгляд ударил как молния. Глаза горели янтарным пламенем и я видела в них всё: ярость, собственничество, и что-то ещё — тёмное, почти голодное.

— Мира, — выдохнул зло.

Я сглотнула, чувствуя, как внутри всё замирает. Толпа вокруг словно исчезла, музыка затихла, остались только он и я, и его взгляд, который сверлил меня насквозь.

— Я не собиралась ввязываться в ссору... Рэй, — пробормотала.

Черт....

— Ты ослушалась меня.

Рэй сделал шаг ко мне. Его дыхание обожгло моё лицо. Он был так близко, что я могла видеть каждую чёрточку его лица — резкие скулы, напряжённые губы, глаза, в которых горел голод.

— Я не могу просто стоять в стороне, когда кто-то пытается обидеть мою подругу, — выговариваю.

— Обидеть? — он усмехается, продолжая сверлить меня взглядом, — ты пытаешься быть героиней? Омеги не героини. Или ты забыла, что я сказал тебе в загоне? Ты даже не представляешь, что могло случиться, если бы я не подошёл вовремя. Ты рисковала своей безопасностью, Мира, — я не могу понять, почему меня бросает в жар от его слов.

Рэй смотрит на меня в упор. Его глаза пронзают меня насквозь.

— Твой вечер окончен, омега. Возвращайся к себе. Или, тебя я отведу лично.

Глава 11. Роза

Я послушалась.

Не потому что испугалась — хотя страх липкими пальцами сжимал горло. А потому что в его голосе, когда он сказал «твой вечер окончен», не было места для споров. Только сталь и абсолютная уверенность, что я сделаю так, как он сказал.

Я развернулась и пошла к выходу, чувствуя, как его взгляд сверлит мою спину, как он провожает меня до самых дверей. Веста что-то крикнула мне вслед, но я не обернулась. Я просто шла — по каменному коридору, мимо затихших омег, мимо смеющихся Альф, мимо всего этого блеска и шума. Шла к своей башне, к своей комнате, к своей тишине.

Дверь за мной захлопнулась с глухим стуком, и я наконец позволила себе выдохнуть. Скинула платье, натянула футболку и легла на кровать, глядя в потолок. Свечи догорали на столе, отбрасывая на стены длинные тени, пока я смотрела, как они пляшут, пытаясь не думать. Не думать о его глазах. О его голосе. О том, как он встал между мной и Дэном, как его рука сжала запястье Альфы, как он сказал: *«Никогда не прикасайся к тем, кто рядом со мной».*

«Рядом со мной».

Я закрыла глаза, и передо мной снова всплыло его лицо — напряжённое, злое, с горящими янтарными глазами. Он был в ярости. Но он защитил меня. И Весту. Почему? Потому что я его «зверушка»? Потому что он не терпит, чтобы кто-то посягал на его собственность?

Я перевернулась на бок, уткнувшись лицом в подушку, и почувствовала, как метка на шее пульсирует — медленно, тяжело. Он где-то там, в зале, среди музыки и танцев. Может, уже с другой омегой. Может, забыл обо мне. А может, чувствует то же, что и я — эту странную, пульсирующую связь, которая не даёт уснуть.

Я уснула только под утро, когда свечи догорели и в комнате стало совсем темно. Сон был тяжёлым, тревожным — мне снились коридоры Академии, которые всё тянулись и тянулись, и я бежала по ним, а за мной гнался кто-то, кого я не могла разглядеть. Я проснулась от резкого звонка будильника и села на кровати, чувствуя, что голова тяжелая, а глаза слипаются.

За окном только начинало сереть. Туман висел над внутренним двором, окутывая старые дубы и замшелый фонтан, делая мир призрачным, нереальным. Я подошла к умывальнику, плеснула в лицо холодной водой и посмотрела на своё отражение в маленьком зеркале. Под глазами залегли тени, на губах засохла трещинка от вчерашнего поцелуя. Я провела пальцами по шее — метка была видна даже сквозь тональный крем. Придётся наносить его толще, чтобы скрыть эту багровую линию, которая пульсировала в такт сердцу.

Я оделась — снова бледно-голубая блузка, синяя юбка, высокий воротник — и собрала вещи. Надела туфли на низком каблуке, взяла сумку и направилась к двери, чувствуя, как внутри всё сжимается от мысли, что я могу снова увидеть его. Рэя. Или не увидеть. Что хуже?

Я открыла дверь — и замерла.

У порога, на полу, лежала белая роза. Одна. Свежая, с капельками росы на нежных лепестках, будто её только что срезали. У неё был тонкий, изящный стебель без шипов, перевязанный у основания тонкой серебряной лентой. Она лежала на сером камне, как маленькое чудо, и я смотрела на неё, не в силах пошевелиться.

Моё сердце пропустило удар. А затем забилось чаще, громче, выстукивая бешеный ритм где-то в горле.

Я оглянулась по сторонам — коридор был пуст. Ни звука, ни тени. Только туман за окном и тишина, которая казалась почти осязаемой. Я медленно наклонилась, подняла розу и поднесла к лицу. Её аромат был нежным, сладким, с лёгкой горчинкой — настоящий, живой запах, который смешивался с утренней прохладой.

От него пахло ночным садом.

Роза. В моём каменном коридоре, у моей двери, в первый день, когда я решила, что ненавижу весь этот мир. Я провела пальцем по лепестку, чувствуя его бархатистую прохладу, и улыбнулась — сама не понимая зачем.

На мой мысленный вопрос *"Кто мог это сделать?"*, я сразу же и ответила. Только он мог это сделать. Только у него могла быть такая странная, противоречивая жестокость — сначала сжать мои запястья до боли, а потом оставить у двери розу.

Но зачем? Для чего? Вчера он был в ярости, когда я ослушалась. А сегодня он дарит мне цветок.

Я постояла ещё мгновение, вдыхая аромат, а затем вернулась в комнату и поставила розу в старый глиняный кувшин на подоконнике. Она выглядела там чужой — слишком нежной, слишком хрупкой для этой суровой комнаты с каменными стенами и тяжёлой мебелью. И всё же я не могла заставить себя оставить её на полу или выбросить. Я даже не знала, зачем оставила её у себя.

Я взяла сумку и вышла, закрыв за собой дверь.

* * *

Столовая гудела, как обычно. Запах свежего хлеба, жареного мяса и горячего чая смешивался с голосами студентов, звоном посуды и смехом. Я скользнула к нашему столу, и Алия сразу же схватила меня за руку.

— Мира! Ты вчера так быстро ушла! — взволнованно проговорила подруга. Она была там взволнована. И в бодром настроении.

— Я устала. Да и…

— Да, я понимаю. Этот Дэн, — она закатила глаза, — я его знаю, он всегда слишком настойчив. Но Рэй его быстро привел в чувства, я видела. Он вообще вчера был какой-то странный. Злой, — поделилась.

Она засмеялась, потом отпила из чашки и продолжила:

— Но вечер был чудесный! Ты бы видела, как Веста танцевала! Потом её пригласил другой Альфа, очень милый, с третьего курса. Она аж покраснела!

Я посмотрела на Весту, сидящую напротив, но она не поднимала глаз. Её пальцы теребили край салфетки, на лице застыла какая-то странная, почти испуганная гримаса. Она была бледна, тёмные круги залегли у неё под глазами, как будто она вообще не спала.

— Веста? — тихо позвала, — что с тобой?

Она подняла на меня глаза — в них стояли слёзы. Агата и Алия тоже заметили её состояние и замолчали, внимательно глядя на неё. Она обвела нас взглядом, сглотнула и прошептала:

— Тот Альфа… вчерашний… он снова следил за мной. Когда я пошла в свою комнату. Он стоял у лестницы и просто смотрел. И ничего не говорил. Просто смотрел. Я… я боюсь, — её голос дрогнул, — мне кажется, он не отстанет. Так что вчерашний вечер... лучше бы я и не танцевала, Алия.

Я почувствовала, как внутри всё холодеет.

Дэн. Он не успокоился. Он ждал её у спален.

— Тебе нужно обратиться к кому-то из преподавателей, — твёрдо сказала Алия, но в её голосе послышалась тревога.

— Нет! — Веста замотала головой, — тогда будет хуже. Все знают, что он… он из семьи членов Совета. Кто мне поверит? Я просто омега.

Мы замолчали. Задумались.

В этот момент дверь столовой открылась, и в зал вошли Альфы. Я подняла глаза — и увидела его. Рэй шёл в окружении своих друзей. Я наблюдала, как он двигается — уверенно,

хищно, как всегда. Он был в светлой рубашке, расстёгнутой на верхние пуговицы, с закатанными рукавами, и его тёмные волосы были слегка влажными — видимо, только что из душа. Он говорил что-то своим спутникам, усмехался, и я заметила, как его взгляд скользнул по залу — бегло, почти равнодушно.

Когда он посмотрел в нашу сторону, он не остановился на мне. Его глаза проскользнули по моему лицу, как по пустому месту, и он отвернулся, садясь за стол со своими приятелями. Он не смотрел на меня. Вообще.

Вот чёрт. Вчера он смотрел на меня так, будто я была единственным человеком в этом зале, а сегодня я для него — пустое место. Он дарит мне розу, а теперь делает вид, что я не существую. Зачем? Это была какая-то жестокая игра? Ещё одно проявление его власти — показать, что он может быть рядом, а может исчезнуть в любой момент?

Я сжала вилку так, что костяшки побелели. Внутри закипало раздражение — против воли, против страха, против всего, что я чувствовала.

— Нужно подумать, как помочь тебе, Веста. Мы это так просто не оставим, — твердо заявила.

— Будешь спать у меня? — предложила Агата.

Веста медленно кивнула.

А мои мысли снова унесли меня далеко от беседы, где девочки обсуждали вчерашние наряды.

Роза. Зачем он оставил её у моей двери, если сегодня даже не смотрит на меня? Это было похоже на какую-то странную, извращённую игру. Он говорил мне жестокие слова, требовал подчинения, запрещал смотреть на других Альф — а затем оставлял у двери нежный цветок. И делал вид, что меня не существует.

Когда завтрак закончился, я почти бегом вылетела из столовой. Мне нужно было проветриться, успокоиться, выбросить из головы его лицо. Я прошла по длинному коридору к внутреннему двору, подышала холодным утренним воздухом, пытаясь привести мысли в порядок. И решила, что должна поговорить с ним. Не ради того, чтобы добиться его внимания, а ради того, чтобы понять, чего он хочет. Понять, зачем он дарит мне розы и молчит.

Мне было бы приятнее, если бы он вовсе забыл обо мне.

Вторая пара тянулась бесконечно, но я почти не слушала преподавателя. Я ждала звонка. Ждала момента, когда выйду и увижу его. Я чувствовала его присутствие — метка на шее пульсировала, указывая, что он где-то рядом.

Когда звонок прозвенел, я встала и почти побежала к выходу, оставив подруг с их вопросами.

Я искала его в коридорах, смотрела в толпе. И когда я уже почти потеряла надежду, я увидела его — Рэй стоял у выхода в южное крыло, в окружении нескольких Альф. Они о чём-то говорили, смеялись, хлопали друг друга по плечам. Он выглядел расслабленным — голова немного наклонена, одна рука в кармане брюк. Но я заметила, как его пальцы сжимаются в кулак, когда он увидел меня.

Я подошла, когда его друзья стали расходиться. Он остался стоять у окна, прислонившись плечом к каменной стене, и смотрел на меня с ледяным спокойствием. Но я видела — он ждал меня.

— Рэй, — я прокашлялась, продолжая уверенно, — у меня есть вопрос.

— Неужели? — его голос был ленивым, почти насмешливым, но я видела, как за этой ленью скрывается напряжение, — задавай свой вопрос.

Я сделала глубокий вдох, чувствуя, как от его близости внутри всё сжимается.

— Роза. Белая роза у моей двери. Зачем ты подарил её мне, если в столовой даже не смотришь в мою сторону? Зачем дарить цветы той, кто для тебя всего лишь зверушка? — мой голос звучал ровно, но я чувствовала, как внутри закипает гнев, — я не понимаю тебя, Альфа.

Ты говоришь мне жестокие слова, запрещаешь смотреть на других, угрожаешь наказанием, а потом даришь розу. Что это? Игра? Провокация? Или ты просто хочешь, чтобы я запуталась? — от волнения, я начала закидывать его вопросами.

Он смотрел на меня в упор. Я видела, как в его глазах загорается огонь после каждого моего слова. Желваки на скулах начали играть — медленно, угрожающе. Его челюсть сжалась, а пальцы, лежащие на подоконнике, впились в камень с такой силой, что костяшки побелели. Его глаза потемнели, став почти чёрными. В них вспыхнула ярость — неконтролируемая, дикая, от которой по моей спине пробежал холод.

Я сразу же замолчала.

— Я не дарил тебе никакой розы, омега, — его голос упал до рыка, низкого и опасного, когда я почувствовала, как вибрация этого голоса пронзает меня насквозь, — и если ты думаешь, что я трачу время на такие сантименты, ты ошибаешься. Я не дарил тебе цветов. И не собираюсь дарить, — он наклонился ко мне очень близко. Его горячее дыхание касается моего лица, — но мне очень интересно, кто же оставил этот цветок у твоей двери, — обманчиво ласково произнес.

Я смотрела на него, чувствуя, как внутри всё рушится.

Он не дарил.

Кто-то другой.

В следующую секунду, замечая, какая я расстерялась, Рэй сжал мой локоть и притянул к себе так близко, что я почувствовала жар его тела.

— Ты отведешь меня в свою спальню, — его голос стал холодным, как сталь, — и покажешь мне эту розу.

Глава 12. Ревность

— Нет, — вырвалось у меня прежде, чем я успела подумать. Я попыталась высвободить локоть из его хватки, но его пальцы только сжались сильнее, впиваясь в кожу сквозь тонкую ткань блузки, — я не поведу тебя в свою спальню. Это... это неприемлемо.

Рэй наклонил по-звериному голову. В его глазах мелькнуло что-то опасное — тёмное, нетерпеливое. Он не отпускал меня, и я чувствовала, как его большой палец выбивает ритм на моей коже — медленный, угрожающий.

— Неприемлемо? — переспросил с ледяной усмешкой, — ты пришла ко мне с вопросом о розе. Ты сама привлекла моё внимание к этому. Теперь я хочу увидеть её. И я увижу.

— Я могла ошибиться, — выдавила, чувствуя, как паника поднимается откуда-то из глубины живота, — я просто подумала... я обозналась.

Он усмехнулся, но в этой усмешке не было ни капли веселья. Только холодная сталь и абсолютная уверенность в том, что он сделает так, как сказал.

— Ты не обозналась, — его голос упал на октаву ниже, и я почувствовала, как вибрация его слов отдаётся в моей груди, — я хочу знать, кто посмел.

— Это не твоё дело, — пробормотала, чувствуя липкий страх.

Его глаза вспыхнули. Он отпустил мой локоть. Я сразу же сделала шаг назад, готовясь к тому, что он просто уйдёт. Но вместо этого он развернулся и пошёл в сторону лестницы, ведущей к женским спальням.

— Рэй, — я бросилась за ним, хватая его за рукав, — туда нельзя! Это женское крыло! Тебе запрещено...

Он остановился и медленно повернулся ко мне. В его взгляде была такая властность, что у меня перехватило дыхание.

— Мне запрещено? — переспросил, приподнимая одну бровь, — мне не запрещено ничего, омега.

Я смотрела на него, чувствуя, как внутри всё сжимается от страха и беспомощности. Он был прав. Ему действительно было всё позволено. И он собирался войти в мою спальню.

— Пожалуйста, — прошептала, — не надо.

Но он уже пошёл дальше, не оборачиваясь. Его шаги гулко отдавались от каменных стен, и каждый из них был как удар по моим нервам. Мне ничего не оставалось, кроме как идти за ним, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле.

Мы поднялись на третий этаж, и я с ужасом смотрела, как он уверенно сворачивает в нужный коридор. Он не спрашивал, где моя комната. Он просто знал. Или чувствовал.

— Как ты... — начала было я, но он перебил меня, даже не обернувшись.

— Метка, — коротко бросил. И этого было достаточно.

Он остановился перед моей дверью. С горечью поняла, что он снова прав. Он чувствовал меня. Знал, где я нахожусь, даже когда я была за закрытой дверью. И сейчас он стоял перед ней, ожидая, когда я открою.

— Открывай, — приказал.

Я замерла, чувствуя, как дрожат мои руки. Я не хотела впускать его. Я не хотела, чтобы он видел мою комнату, мои вещи, мою жизнь. Но я понимала, что если не открою, он просто выломает дверь. И тогда будет хуже.

Дрожащими пальцами я достала ключ из кармана, вставила его в замок и повернула. Дверь открылась с тихим скрипом, и я шагнула внутрь, пропуская его вперёд.

Рэй вошёл в комнату уверенно. Его взгляд скользнул по стенам, по кровати с балдахином, по письменному столу, заваленному книгами. Он осматривал моё личное пространство, и от этого мне становилось не по себе.

А потом его взгляд остановился на окне.

На белой розе, стоящей в глиняном кувшине на подоконнике.

Он подошёл к ней медленно, и я заметила, как напряглись его плечи, как сжались кулаки. Он смотрел на цветок так, будто тот был живым врагом. Будто эта роза лично оскорбила его.

Он протянул руку и коснулся лепестка кончиками пальцев — почти невесомо, но я видела, как его челюсть сжалась, а на скулах заиграли желваки. Он втянул воздух, пытаясь уловить чужой запах на стебле или лепестках. Но я знала — запаха не было. Роза была свежей, сорванной этим утром, и её аромат перебивал всё остальное. Он не мог определить, кто её оставил.

И это, кажется, злило его ещё больше.

Он резко схватил розу за стебель, сжал пальцы так, что лепестки осыпались на подоконник белыми хлопьями. Я услышала, как хрустнул стебель. Он сломал её пополам — грубо, безжалостно. Я вздрогнула от этого резкого звука.

Он открыл окно, впуская холодный утренний ветер в комнату, который разметал мои волосы. Рэй, не глядя, выбросил сломанный цветок вниз. Я успела только заметить, как белые лепестки кружатся в воздухе, падая на каменный дворик.

А затем он закрыл окно и медленно повернулся ко мне.

В его глазах горел ад.

Он шагнул ко мне.

Я отступила назад, вжимаясь спиной в стену.

Но он наступал — уверенно, неумолимо, сокращая расстояние между нами. Я чувствовала, как его запах заполняет комнату, как он давит на мои лёгкие, лишая возможности дышать.

— Я тебя предупреждал, — его голос был низким, хриплым, почти звериным, — ты принадлежишь мне. И никто, слышишь? Никто не смеет прикасаться к тому, что моё.

— Я не знаю, кто это был, — прошептала, испугавшись, — я думала, что это ты.

— Ты думала, что это я? — его губы насмешливо исказились, — а теперь ты поняла, что нет. Кто-то другой оставил тебе цветок. Кто-то, кого я не знаю. Кто-то, кто посмел приблизиться к моей омеге.

Он сделал последний шаг и прижал меня к стене. Его руки упёрлись по обе стороны от моей головы, и я оказалась в ловушке — между холодным камнем и горячим, напряжённым телом Альфы. Я чувствовала, как его грудная клетка вздымается, как его дыхание касается моего лица, как его глаза сканируют каждую черту моего лица.

— Кто бы ни подарил тебе эту розу, — процедил с угрозой, — он труп. Я найду его, и я убью его. Ты поняла?

Я не могла говорить. Горло сжалось от страха, и я лишь судорожно кивнула, чувствуя, как слёзы подступают к глазам.

— Никто, — повторил он, наклоняясь ближе, — никто не смеет прикасаться к тебе. Никто не смеет смотреть на тебя. Никто не смеет дарить тебе цветы. Ты — моя. И я не позволю никому даже думать о тебе.

Он провёл пальцем по моей шее, по тому месту, где под кожей пульсировала его метка, и я вздрогнула от его прикосновения. Его пальцы были горячими, почти обжигающими. По всему телу пробежали мурашки от его касаний.

Слишком интимный жест.

— Когда я узнаю, кто это был, — продолжил грубо, — я сделаю так, что он пожалеет о том дне, когда родился. И ты будешь смотреть, как я это делаю. Чтобы запомнить. Чтобы никогда больше не сомневаться, кто твой Альфа.

Он замолчал, смотря на меня. Оценивающе. Его взгляд скользнул — по губам, по глазам, по изгибу шеи. Его дыхание стало тяжелее, и я заметила, как его зрачки расширились, как в них вспыхнул голод.

— Я не знаю, кто это. Я не хотела этого, — прошептала, но голос в конце сорвался.

— Ты не хотела, — повторил, пробуя на вкус мои оправдания, — но это уже произошло.

Я не могла ответить.

Он продолжал смотреть на меня. Его глаза темнели от гнева. Уверена, в мыслях у него творилось черти что....

— Ты... — я сглотнула, — ты словно звереешь. Это... метка, да? Она заставляет тебя быть безумным? — вдруг предположила.

Он резко оторвался от меня. От этого контраста я вздрогнула. Расстеряно посмотрела на него.

Он отвернулся. Направляясь в сторону двери так, словно хотел быть подальше от меня, небрежно бросил:

— Не выдумывай, омега. И веди себя хорошо. Пока я ищу ходячий труп.

Глава 13. Информация

Я вылетела из своей спальни, едва за ним закрылась дверь. Сердце колотилось где-то в горле, а пальцы дрожали так сильно, что я с трудом заперла замок. В коридоре было пусто, только эхо моих шагов разносилось под каменными сводами, но я не чувствовала облегчения. Я чувствовала только его запах, который, казалось, въелся в мою одежду, в волосы, в кожу.

Он сломал розу. Выбросил её. Убьёт того, кто её подарил. И я знала — он не шутил. В его глазах была такая холодная, абсолютная уверенность, что у меня подкашивались ноги при одном воспоминании.

Я спустилась вниз, почти бегом, и влетела в аудиторию за минуту до звонка. Веста, Агата и Алия уже сидели на своих местах, и я мельком заметила, как они переглянулись, когда я плюхнулась на стул, тяжело дыша.

— Ты выглядишь так, будто за тобой гнались, — прошептала Веста, наклоняясь ко мне.

— Так и было, — выдохнула, но больше ничего не добавила.

Преподаватель вошёл в аудиторию и я заставила себя сосредоточиться на его голосе, на словах, на доске, на чём угодно, только не на мыслях о Рэе. Но они возвращались снова и снова, как навязчивый круг в голове.

Метка. Роза. Труп.

Я провела рукой по шее, чувствуя под пальцами пульсирующую вену. Она горела, напоминая о том, что я не свободна. Что он чувствует меня так же, как я чувствую его. Что бы я ни делала, куда бы ни пошла — он всегда будет знать, где я нахожусь.

В перерыве, когда все потянулись в столовую, я свернула в другую сторону. Мне нужно было уединение. Нужно было подумать. Я прошла по длинному коридору, мимо витражей, мимо старых гобеленов, и оказалась у дверей библиотеки. Тяжёлая дубовая дверь поддалась с тихим скрипом, и я шагнула внутрь, чувствуя, как запах старых книг и воска окутывает меня, как тёплое одеяло. Здесь было тихо. Только шелест страниц и далёкое тиканье старинных часов.

Библиотека Академии была огромной — высокие стеллажи уходили под самый потолок, заставленные книгами в кожаных переплётах. Узкие стрельчатые окна пропускали тусклый свет, а между стеллажами витала особенная, почти магическая атмосфера, которая всегда успокаивала меня.

Но сегодня даже это не помогало.

Я прошла к дальним стеллажам, где хранились книги по биологии и генетике. Мои пальцы скользили по корешкам, пока я искала нужный раздел. О связи Альф и омег я знала немного — только то, что нам рассказывали на парах. Но сейчас мне нужно было больше. Мне нужно было понять, что происходит с Рэем. И почему его поведение становится всё более непредсказуемым, более жестоким.

Я нашла толстый том с потёртым кожаным переплётом и вытащила его с полки.

«Природа парных связей: от древности до современности».

Том был тяжёлым. Я с трудом донесла его до одного из столиков у окна. Села, открыла книгу и начала листать страницы, выискивая знакомые термины. Слова, которые я слышала на лекции, вдруг обрели новый смысл — более глубокий, более пугающий.

На странице сто сорок третьей я остановилась. Глаза пробегали по строкам, и с каждой секундой внутри меня становилось всё холоднее.

«В редких случаях метка может возникнуть спонтанно, без предварительного ухаживания или близкого контакта. Это происходит, когда Альфа впервые ощущает омегу настолько остро, что его инстинкты берут верх, и метка просыпается мгновенно. Такая связь непол-

ная, но крайне интенсивная. Она требует немедленного закрепления — в течение первых нескольких дней. В противном случае метка начинает воздействовать на обоих партнёров, но в первую очередь — на Альфу. Его инстинкты становятся неконтролируемыми, агрессия усиливается, а желание закрепить метку превращается в одержимость, которая может привести к необратимым последствиям для обеих сторон».

Я прочитала этот абзац трижды. Слова врезались в память, как раскалённые иглы.

Спонтанная метка. Первые несколько дней. Одержимость.

Я откинулась на спинку стула, чувствуя, как в груди разрастается холодная пустота. Всё вставало на свои места. Его агрессия. Его приказы. Его собственничество, которое с каждым днём становилось всё более безудержным. Он терял контроль. Метка разъедала его самообладание, и с каждым часом он становился всё более голодным, всё более опасным.

И виновата в этом была я.

Если бы я не влезла в его спальню в тот вечер, если бы не сунулась туда, если бы не попала в его поле зрения… ничего бы этого не было. Он продолжал бы жить своей жизнью, а я бы оставалась незаметной, серой, свободной. Но я сделала глупость. И теперь мы оба оказались в ловушке, которую не могли контролировать.

Я закрыла книгу и уткнулась лицом в ладони. Внутри всё кипело, но мысль, которая пришла мне в голову, была ясной и пугающей: если это не остановить, он действительно сломает меня. Не потому что хотел — а потому что не сможет себя контролировать.

Я вспомнила мать.

Все её нравоучения, которые я пропускала мимо ушей, считая их старомодными и глупыми.

«Омега должна знать своё место», «Альфу нельзя злить», «Если он поставил метку, ты не сопротивляйся».

Я всегда думала, что она говорит это из страха, из слабости, что она просто смирилась со своей участью и хочет, чтобы я сделала то же самое. Но теперь, стоя на пороге собственной беды, я поняла, что в её словах была мудрость. Жестокая, но мудрость.

Я её не слушала.

Я считала себя сильной, независимой, способной противостоять системе. И вот чем это закончилось — я сижу в библиотеке, вцепившись в книгу, и понимаю, что единственный способ выжить — это либо закрепить метку, либо найти способ сбежать от той одержимости, которая разъедает Альфу изнутри.

Я подняла голову и посмотрела в окно. За стеклом серело небо, ветер гнал облака, и старые дубы шумели листвой. Где-то там, в этой Академии, ходил Рэй, чувствуя моё присутствие, чувствуя мою панику. И с каждым часом его контроль слабел.

Мне нужно было больше информации. Книга не давала ответов на вопросы, которые мучили меня. Были ли способы смягчить его состояние? Можно ли было ослабить влияние метки? Я должна была узнать.

Я поднялась, поставила книгу на место и вышла из библиотеки. В голове созрело решение — я пойду к профессору Майглу. Тому самому, который читал нам лекцию о парных связях. Он говорил о спонтанных метках, он знал о них больше, чем написано в книгах. Может быть, он сможет подсказать мне, что делать.

Я нашла его кабинет на втором этаже, в конце длинного коридора. Дверь была приоткрыта, и я увидела его за столом — профессор Майгл сидел, склонившись над какими-то бумагами, его очки сползли на кончик носа. Он был омегой, пожилым, но с живыми, внимательными глазами.

Я постучала.

— Войдите, — сказал профессор, не поднимая головы.

Я шагнула внутрь, чувствуя, как сердце колотится о рёбра. Он поднял взгляд, и его глаза внимательно осмотрели моё лицо.

— Мирослава, кажется? — спросил скептически. Я кивнула, удивлённая тем, что он запомнил моё имя, — что привело вас ко мне? Вопросы по лекции?

— Да… нет… — я запуталась, и это сразу же выдало меня, — я хотела спросить… о спонтанных метках. Вы говорили о них на паре.

Профессор Майгл снял очки и внимательно посмотрел на меня. В его взгляде я увидела настороженность и лёгкое удивление.

— Обычно студенты приходят ко мне с вопросами о баллах или домашнем задании, — сказал с лёгкой усмешкой, — редко кто интересуется метками так глубоко, не имея к ним личного отношения.

Я сглотнула.

— Это просто интерес, — ответила, стараясь, чтобы голос звучал ровно, — я хотела понять… что происходит с Альфой, когда метка появляется спонтанно.

Он посмотрел на меня долгим, проницательным взглядом. Я видела, как его глаза сузились, как он что-то обдумывал. И, кажется, он решил, что мне можно сказать.

— Выправильно сделали, что пришли ко мне с этим вопросом, — сказал с одобрением, — это не просто учебный интерес, верно?

Я опустила голову. Кабинет погрузился в тишину. И хорошо, что недолгую.

— В таких случаях, — продолжил, размышляя, — Альфа перестаёт контролировать себя. Желание закрепить метку, взять омегу, подтвердить свои права становится навязчивой идеей. Она затмевает разум, подавляет волю. Это природный механизм, и он срабатывает безотказно. Если не закрепить метку в первые дни… Альфа превращается в одержимого, способного навредить даже своей паре. Потому что он не сможет совладать с инстинктами. И это… опасно.

Я слушала его, пока внутри меня всё сжималось. Это не просто теория. Это была реальность. Рэй уже терял контроль. Я видела это по его глазам, по его пальцам, которые сжимали мои запястья до боли.

— Есть ли способ… — я запнулась, чувствуя, как голос срывается, — есть ли способ как-то смирить его? Сделать так, чтобы он не сошёл с ума?

Профессор Майгл долго смотрел на меня. Его глаза были печальными, почти сочувствующими.

— Единственный способ смирить Альфу — это подчиниться. Природа распорядилась так, что связь неразрывна. Против неё не пойти. В механизме пары заложена необходимость завершения, — сказал он медленно. Каждое его слово падало в мою душу тяжёлым камнем, — за время своего преподавания, я повидал многое... и потеря контроля Альфы была чудовищной.

Я сглотнула.

— А если сбежать? — спросила очень тихо.

Он покачал головой.

— Если попытаться сбежать, только усугубите его состояние. Древние инстинкты пробудятся мгновенно. Он будет преследовать вас, как дикий зверь. И когда он вас догонит… — он замолчал, подбирая слова, — он может причинить вам вред, даже не желая этого. Просто потому, что не сможет себя контролировать.

Я опустилась на стул, чувствуя, как ноги подкашиваются. Внутри всё дрожало, и я не знала, что делать дальше. Моя голова раскалывалась от этой информации. Это было похоже на капкан, из которого нет выхода.

— Спасибо, — тихо сказала, поднимаясь, — я… я поняла.

— Мирослава, — профессор Майгл потер глаза от усталости, — омега и Альфа — это будущее нашей страны. В вашем нежном возрасте, всё воспринимается как проблема. Но, поверьте, это часть жизни. И она уже выбрала ваше направление.

— Нет, я...

— Можете идти, — он кивнул.

Я сглотнула.

Черт. Черт. Черт.

Я вышла из кабинета, и дверь за мной закрылась с тихим щелчком. Коридор был пуст, и только эхо моих шагов разносилось под высокими сводами. Я прижала руку к шее, чувствуя, как под пальцами пульсирует метка.

Он не сможет себя контролировать.

Я вспомнила его глаза в тот момент, когда он сжимал мои запястья. Вспомнила, как он смотрел на меня, когда я стояла перед ним в загоне. Голодный, дикий, одержимый. Я думала, что могу пережить это, что смогу держаться на расстоянии. Но теперь я знала правду — я не могу. Я — омега, и я попала в ловушку своего собственного тела.

Я шла по коридору, сжимая пальцами лямку сумки, и чувствовала, как внутри нарастает паника.

Что мне делать? Подчиниться? Или попытаться сбежать, зная, что это сделает его ещё более опасным?

Я не знала ответа. Я чувствовала, как мир сужается вокруг меня, оставляя только этот пустой коридор и пульсирующую метку на шее.

Мне нужно решить.

Глава 14. Задание

Следующие два дня превратились в игру в прятки. Я научилась исчезать раньше, чем Рэй успевал меня заметить. Сворачивать в боковые коридоры, замирать за колоннами, менять маршруты. В столовой я садилась спиной к входу и утыкалась в тарелку, не поднимая глаз. В коридорах я смотрела под ноги, считая трещины в каменном полу, лишь бы не встретиться с ним взглядом.

И это работало. Почти.

Я чувствовала его присутствие — метка на шее пульсировала каждый раз, когда он оказывался поблизости. Я знала, когда он входит в столовую, когда проходит по коридору этажом ниже, когда стоит у окна в южном крыле. Я чувствовала его, как чувствуют надвигающуюся грозу — по тяжести в воздухе, по напряжению, которое разливалось в груди.

Но я не смотрела на него. Я не давала ему повода подойти.

И наверно... он не был против этого. Уверена, если бы он хотел — прекратил мои прятки.

Веста стала моей тенью. После того вечера она держалась рядом, цеплялась за меня в толпе и я видела, как дрожат её пальцы, когда мимо проходил Дэн. Он не приближался — не после того, как Рэй вмешался, — но его взгляд, тяжёлый и липкий, сопровождал её повсюду. Она рассказывала мне шёпотом, что он пишет ей сообщения, что он ждёт её у выхода из аудитории, что он знает расписание её пар. Я не знала, что делать. Я сама была в ловушке.

В один из дней, на паре по практической биологии, профессор Айкли вошёл в аудиторию с решительным видом и объявил:

— Сегодня мы начинаем совместный проект. Омеги и Альфы работают в парах. Это обязательное задание, и оно повлияет на вашу итоговую оценку.

Я замерла.

Черт... это было лишнее сейчас.

Профессор начал зачитывать список. Я внимательно слушала, сжимая ручку так сильно, что костяшки побелели.

— ...Эрик и Веста, — объявил профессор.

Я услышала, как Веста рядом судорожно выдохнула. Я посмотрела на неё — она была бледна, но на лице мелькнуло облегчение. Эрик был неплохим и спокойным Альфой.

— ...Мирослава и Филипп.

Я подняла голову и увидела Альфу, который сидел через два ряда от меня. Он был высоким, с тёмными вьющимися волосами и мягкими карими глазами. На его губах играла лёгкая, немного застенчивая улыбка. Он кивнул мне, и я неуверенно кивнула в ответ.

Филипп. Я видела его раньше — он всегда сидел в задних рядах, тихо, незаметно. Он не был похож на других Альф: в нём не было той хищной, настойчивой энергии, которая пугала меня в остальных. Он казался спокойным, почти мягким.

Я перевела дыхание.

— Садитесь вместе, — приказал профессор после того, как объянил задание, — время пошло.

Я подошла к парте Филиппа и села напротив. Он улыбнулся — открыто, дружелюбно, без тени агрессии.

— Привет, — сказал он тихо, — Мира, да?

— Да, — ответила, чувствуя, как внутри немного отпускает напряжение, — приятно познакомиться.

— Взаимно, — он развернул лист с заданием и подвинул его ко мне, — у нас исследование феромонов. Нужно взять пробы и проанализировать. Я думал, может, начнём с теории, а потом перейдём к практике?

— Хороший план, — согласилась, чувствуя, как напряжение понемногу отпускает.

Филипп оказался приятным собеседником. Он говорил мягко, без напора, и слушал внимательно, когда я предлагала свои идеи. Он не пытался доминировать, не перебивал, не смотрел на меня так, будто я была добычей. Он просто был... нормальным. И это казалось таким редким, таким ценным в этом мире, где Альфы привыкли брать своё силой.

Мы работали вместе, заполняли таблицы, обсуждали гипотезы. Я даже пару раз улыбнулась — настоящей улыбкой, без напряжения. Филипп смеялся в ответ и я заметила, что его смех был тёплым, искренним.

Я краем глаза увидела, как Веста сидит с Эриком, и её лицо застыло в маске вежливого внимания. Она была бледна, пальцы дрожали, когда она записывала что-то в тетрадь.

Я могла сосредоточиться на работе, на Филиппе, на его спокойной улыбке, которая не требовала от меня ничего, кроме внимания к заданию.

Когда пара закончилась, Филипп собрал свои вещи и посмотрел на меня с лёгкой нерешительностью.

— Мира, — он позвал меня, собравшись. Я подняла на него глаза, — я подумал... мы могли бы продолжить исследования в библиотеке. Чтобы подготовиться к следующему занятию. Может быть, даже получить лучшую оценку, если углубимся в тему. Ты не против?

Я задумалась. Внутри всё сжалось от мысли, что кто-то может увидеть нас вместе, что Рэй может узнать об этом. Но потом я посмотрела на Филиппа — на его спокойное лицо, на его тёплые глаза, в которых не было ни капли агрессии, — и почувствовала, что это, возможно, единственный шанс побыть с кем-то, с кем спокойно. Я ведь не могу от всех шарахаться? Я не зверушка Рэйя.

— Хорошо, — ответила, понимая, что слова вырвались быстрее, чем я успела подумать, — давай. Но... может, вечером? У меня ещё есть дела после пар.

Филипп улыбнулся. Его улыбка была искренней.

— Отлично. Я буду ждать тебя в библиотеке в семь. У дальнего окна, там тихо.

Я кивнула и развернулась, чтобы уйти. В дверях я остановилась на мгновение, чувствуя странное облегчение. Рэя не было. Метка на шее пульсировала ровно, без тревожных вспышек. Он был где-то далеко.

Я выдохнула и пошла к выходу, чувствуя, как внутри разливается тепло от осознания, что я могу хотя бы на несколько часов побыть самой собой.

* * *

Вечером я пригласила подруг к себе в комнату. Мы сидели на кровати, пили чай и болтали о всяких глупостях — о преподавателях, о нарядах, о том, кто с кем танцевал на последнем вечере. Агата рассказывала о Марке, Алия смеялась над её влюблённостью. Я улыбалась в ответ, но краем глаза следила за Вестой. Она сидела в углу, обхватив колени руками, и почти не участвовала в разговоре.

— Веста, — я мягко коснулась её плеча, — пойдём, поможешь мне найти книгу.

Она подняла на меня глаза — в них была напряженность — и молча кивнула.

Мы вышли в коридор. Здесь было тихо, только ветер завывал в щелях старых окон.

— Что случилось? — спросила прямо.

Веста вздрогнула и опустила голову. Она мешкалась, но все же выпалила:

— Дэн приходит ко мне каждую ночь, — прошептала она, кусая губы, — в спальню. Он просто сидит у двери... Молчит. Я чувствую его запах, Мира. Я слышу его дыхание. Чувствую его взгляд. Он не уходит, пока не услышит, что я уснула. И он пишет мне. Постоянно.

Я смотрела на неё, ощущая, как внутри поднимается холодная ярость.

— Веста, — позвала тихо, — это .. плохо. Он просто одержим тобой.

— Я знаю, — она подняла на меня глаза, в которых читалось отчаяние, — но я ничего не могу сделать. Он из семьи Совета. Кто мне поверит? Скажут, что я сама его привлекала, что я хотела этого. А я не хочу! Я боюсь его, Мира. Каждый раз, когда я выхожу из комнаты, я боюсь, что он будет ждать меня за углом.

Я обняла её, чувствуя, как её плечи дрожат под моими руками.

— Мы что-нибудь придумаем, — прошептала, — я обещаю.

Но внутри я не знала, что делать. Я сама была в ловушке. Как я могла защитить её, если не могла защитить себя?

Мысль о Рэе мелькнула в моей голове, и я почти отбросила её. Но потом я вспомнила, как он встал между мной и Дэном, как его рука сжала запястье Альфы, как он сказал: *«Никогда не прикасайся к тем, кто рядом со мной».*

Может быть, он мог помочь Весте. Может быть, его влияние на Дэна было сильнее. Но я не знала, попросит ли он что-то взамен. И я боялась спрашивать.

Метка на шее пульсировала, и я чувствовала, как внутри разливается тревога. Время уходило. Каждый день приближал меня к моменту, когда Рэй не сможет больше сдерживаться.

* * *

В семь часов я стояла у дверей библиотеки. Внутри было тихо, только шелест страниц и запах старых книг. Я прошла к дальнему окну, где уже сидел Филипп. Он поднял голову и улыбнулся, когда увидел меня.

— Привет, — сказал мягко, — я уже начал читать. Там есть интересные данные о феромонах, я отметил для нас.

Я села напротив. Мы сразу же погрузились в работу. Филипп оказался внимательным и терпеливым, он объяснял сложные моменты, если я не понимала, и слушал мои идеи с неподдельным интересом. Мы смеялись над неудачными формулировками в учебнике, спорили о теориях, и я чувствовала, как внутри отпускает напряжение.

Здесь, в этой тихой библиотеке, я была просто студенткой. Не омегой с меткой на шее. Не зверушкой. Просто Мирой.

— Ты знаешь, — сказал Филипп, когда мы закончили, — ты очень приятная омега. С тобой легко работать.

Я улыбнулась — искренне, свободно.

— Спасибо. Ты тоже. Я... я не ожидала, что сегодня будет так хорошо.

Он посмотрел на меня, и в его глазах мелькнуло что-то тёплое.

— Может быть, завтра повторим? Я нашёл ещё одну книгу, она должна быть интересной.

Я кивнула. Внутри разлилось чувство свободы. Всего на миг я забыла о Рэе, о метке, о страхе. Всего на миг я была собой. Может, у меня будет друг... Альфа, но тот, кто понимает меня.

И в этот момент мой телефон завибрировал.

Я достала его с плохим предчувствием.

Одно сообщение от неизвестного номера.

«Где ты?»

Я побледнела. Внутри всё оборвалось. Метка на шее вспыхнула горячей пульсацией, и я почувствовала, как он ищет меня — ощупывает пространство, пытаясь определить моё местоположение. Он знал. Он чувствовал, что я не в своей комнате.

Филипп заметил мою реакцию.

— Мира? Всё в порядке?

Я подняла на него взгляд, чувствуя, как внутри все дрожит от напряжения. Я хотела сказать «да», хотела улыбнуться, хотела сделать вид, что ничего не случилось. Но пальцы дрожали, когда я сжимала телефон.

Второе сообщение.

«Не заставляй меня искать тебя, омега».

Я встала, чувствуя, как ноги подкашиваются.

— Мне нужно идти, — сказала, пытаясь удержать дрожь, — прости. Мне... мне очень жаль.

Филипп поднялся следом.

— Что случилось? Может, я могу помочь?

— Нет, — выдохнула, — ты не можешь. Прости. Я... я пойду. Еще увидимся!

Я выбежала из библиотеки, чувствуя, как метка горит на моей шее, как телефон вибрирует в руке снова и снова.

Он искал меня.

Я выбежала в коридор и остановилась, пытаясь перевести дыхание. Здесь было пусто. Только тусклый свет и холодный камень.

«Я иду к себе», — написала дрожащими пальцами и отправила сообщение.

Ответ пришёл мгновенно:

«Я уже жду тебя там».

Моё сердце упало. Я стояла посреди пустого коридора, чувствуя, как мир сужается до одной точки — до его присутствия, которое я ощущала каждой клеткой своего тела.

Он ждал меня в моей спальни.

Глава 15. Сдерживать

Каждый шаг по каменной лестнице отдавался в висках глухим, пульсирующим стуком. Метка на шее горела так сильно, что казалась раскалённой. Я чувствовала, как он приближается — с каждым моим шагом, с каждым ударом сердца. Я почти бежала по коридору, сжимая лямку сумки так сильно, что пальцы онемели. Мысль о том, что он ждёт меня в моей спальне, в моём личном пространстве, вызывала панику и одновременно — странную, запретную дрожь, от которой внутри всё сжималось.

Я остановилась перед дверью. Свет пробивался из-под неё тонкой жёлтой полоской. Я слышала тишину — ту густую, напряжённую тишину, которая бывает только тогда, когда кто-то ждёт. Я глубоко вдохнула, чувствуя, как холодный воздух обжигает лёгкие, и медленно повернула ручку.

Дверь открылась с тихим скрипом. Я шагнула внутрь — и замерла.

Альфа лежал на моей кровати.

Полулежал, прислонившись спиной к изголовью, согнув одну ногу в колене, и опустив руку на неё. Его поза казалась расслабленной, почти ленивой — но в этом расслаблении чувствовалась пружинистая, звериная готовность. Он был в тёмных брюках и расстёгнутой на две пуговицы белой рубашке, которая открывала мощную шею и ключицы. Тени от свечи играли на его лице, подчёркивая резкие скулы и твёрдую линию челюсти. В его тёмных, почти чёрных глазах горело пламя — тихое, опасное, голодное. И когда я вошла, его взгляд стал тяжелее, пронзая меня насквозь.

— Закрой за собой дверь, — приказал. Голос был низким, ровным, но в нём слышалась сталь.

Я мешкалась на пороге, чувствуя, как внутри всё сжимается. Мои пальцы дрожали, когда я взялась за ручку и прикрыла дверь, оставляя лишь тонкую щель.

— Не так, — продолжая смотреть на меня в упор, обозначил, — закрой на ключ, омега.

Волнение затопило моё сознание, лишая возможности думать. Я чувствовала, как его взгляд сверлит меня, как он наблюдает за каждым моим движением. Я провела пальцами по холодному металлу замка и повернула ключ. Щелчок разнёсся по комнате, как выстрел — глухой, окончательный. Этот звук отдался в моей груди, когда я почувствовала, как сердце проваливается куда-то вниз.

Я медленно обернулась к нему. Он не двигался. Сидел в той же позе, и его глаза — тёмные, непроницаемые — следили за мной. Свеча на столе отбрасывала пляшущие тени, и в этом полумраке он казался ещё более опасным — хищным, готовым к прыжку.

— Где ты была? — спросил. В его голосе не было ни капли тепла. Только холодное, абсолютное требование.

Я сглотнула. Сердце билось так сильно, что я слышала его в ушах. Я не могла сказать ему правду. Не могла признаться, что была с Филиппом.

— Гуляла, — выдохнула, чувствуя, как слова царапают горло.

Он усмехнулся — медленно, жестоко.

— Ты врёшь, —задумчиво произнес. И так спокойно. От этих двух слов по моей спине пробежал холод.

Я сжала пальцы в кулаки, но ничего не сказала.

— Я спрошу ещё раз, — продолжил с оттенком угрозы, — и предупреждаю: за неправильный ответ ты будешь лишаться одежды. Каждая ошибка стоит тебе одного предмета. Начнем игру, моя непослушная омега?

Я посмотрела в его глаза, чувствуя, как внутри всё переворачивается. Он смотрел на меня с таким спокойствием, с такой уверенностью, что у меня перехватило дыхание. Я знала — он не шутит. Я видела это по его глазам, в которых горел холодный, расчётливый голод.

— Я... — начала, но голос дрогнул. Я прикусила губу, чувствуя, как внутри проходит нервная, возбуждённая дрожь, смешанная со страхом.

Я медленно кивнула.

— Где ты была? — повторил.

— В библиотеке, — на этот раз голос звучал твёрже, — я была в библиотеке. С...

Я запнулась, чувствуя, как его взгляд становится тяжелее, как он ждёт продолжения.

— С кем? — спросил с низким рычанием — едва слышное, но отчётливое.

— С парнем, — пробормотала едва слышно.

Это была плохая идея. И почему я вдруг стала такой храброй?

В следующую секунду он исчез с кровати. Я не видела, как он двинулся — просто в один миг он был там, а в следующий я ощутила, как его руки срывают с меня блузку. Ткань треснула по шву, пуговицы разлетелись по полу, и я осталась стоять перед ним в одном бюстгальтере, чувствуя, как холодный воздух касается кожи.

А он уже снова сидел на кровати — в той же позе, даже дыхание не сбилось. Словно и не двигался.

— Какой парень? — спросил вкрадчиво, пока его взгляд скользнул по моей груди, по молочной коже, открывшейся его взгляду. В его глазах загорелся голод и я почувствовала, как моё тело покрывается мурашками.

— Что ты... — я попыталась прикрыться руками, но он перебил меня:

— Убери руки. Сейчас же.

Я сглотнула, чувствуя, как его голос — убийственно холодный, безжалостный — пронзает меня насквозь.

— Или, — продолжил с ледяной усмешкой, — следующей будет юбка.

Я убрала руки, чувствуя, как щёки заливает жар. Я стояла перед ним в одном лифчике, чувствуя себя обнажённой, уязвимой, и дрожала от страха и стыда.

— Я спросила тебя, где ты была, — повторил, когда его взгляд остановился на моих глазах, — я не слышу ответа.

— В библиотеке, — процедила, — с парнем. Мы выполняли задание. Это был проект по биологии, он Альфа, но...

Я не закончила, потому что увидела, как его глаза вспыхнули. В них промелькнула ярость — ослепительная, дикая. Я видела, как его челюсть сжалась, как желваки заиграли на скулах.

— Филипп, — подсказал мне. В его голосе послышалось что-то опасное, почти звериное.

Я продолжала стоять перед ним, чувствуя, как его взгляд скользит по моей груди, по моему телу. Он смотрел на меня с голодной, почти болезненной жадностью, и я чувствовала себя зверушкой, которую поймали в клетку.

— Как ты... как ты узнал, — вырвалось у меня, и я с удивлением поняла, что за этим вопросом стоит что-то большее, чем просто любопытство, — ты сделал ему больно? — с жаром спросила.

Рэй усмехнулся.

— Нет. Но если ты ещё раз ослушаешься меня и пойдёшь к другому Альфе... я сделаю это. Тебе ведь не стоило этого делать, Мира.

Я сжала кулаки, чувствуя, как внутри закипает злость.

— Это просто задание! Я студентка! Я имею право работать с кем-то над проектом! — выпалила в гневе.

— Студентка, — повторил он мои слова, — я могу перевести тебя на домашнее обучение, если хочешь. Навсегда.

Я замерла, чувствуя, как внутри всё обрывается. Он не шутил.

— Я думала... — начала, но голос мой сорвался, — я думала, что мы что-то решим...

— Тебе не нужно думать, — отчеканил, — все решаю я. Твоя задача — слушаться. И то, что произойдет сегодня, — он наклонил голову, и в его глазах мелькнуло что-то мрачное, — достойно наказания.

Что?

— Ты будешь наказана, — продолжил, — а сейчас... разденься.

Я попятилась назад, прижимая руки к груди, но он сделал резкое движение, и я замерла.

— Сними лифчик, — приказал. Я задрожала, — следом — юбку. Остаться только в белье передо мной.

Я не двигалась. Я не могла. Руки дрожали, и я чувствовала, как слёзы подступают к глазам.

— Я... не могу, — прошептала, не представляя себе этого.

Рэй усмехнулся, без капли тепла.

Он был жесток. Он был так жесток! И эта усмешка — осознание власти надо мной.

— Тогда я сделаю это сам. И если я сорву с тебя одежду, омега, она останется только в моих воспоминаниях.

Я сглотнула. Я видела в его глазах, что он не шутит. Я чувствовала себя как на краю пропасти. И, дрожа от унижения, я медленно, через силу, расстегнула бюстгальтер и сняла его. Следом — юбка, которая упала на пол мягкой тканью. Я осталась стоять перед ним в одних трусиках, прикрываясь руками, пока он смотрел на меня — в его глазах было столько темноты, желания, чистой похоти, что у меня подкашивались ноги.

Рассматривал меня... исследовал взглядом.

Желал.

— Сядь на колени, — приказал.

Я опустилась на колени — медленно, чувствуя, как холодный каменный пол касается моих ног. Я подняла на него глаза, замечая, что он продолжает рассматривать меня — мою грудь, мои бёдра, мою кожу, которая покрылась мурашками. А когда его взгляд вернулся к моим глазам, я увидела, как зверь в нём рвётся наружу. Я видела, как его мышцы напряглись, как он с трудом сдерживается, и я уже приготовилась к тому, что он сейчас подойдёт ко мне.

Но он замер. Усмехнулся — медленно, почти лениво.

— Я сильнее, чем ты думаешь, — произнес он низко, смотря мне прямо в глаза. Он показал свою силу, — во мне течёт кровь моего отца. Я умею сдерживать себя. Если захочу, сдержу. Но, видишь ли, я не хочу.

Я смотрела на него, ощущая, как внутри всё застывает. Он был так близко — и так далеко одновременно. Я видела, как он борется с собой, как его пальцы сжимаются в кулаки, как он с трудом сдерживает зверя.

А затем он наклонился вперёд.

— Приползи ко мне, — приказал, — на коленях. Медленно. Я хочу видеть, как ты подчиняешься.

Я смотрела на него, чувствуя, как пульсирует метка на моей шее, как его голос проникает под кожу, лишая воли. Я знала, что если сделаю это — переступлю черту, которую не смогу вернуть. Но я также знала, что если не сделаю... он заставит меня. И это будет хуже.

Я опустила голову.

Глава 16. На колени

Я застыла на коленях, чувствуя, как холод каменного пола проникает сквозь тонкую кожу, как каждый мускул моего тела напряжён до предела. Воздух в комнате стал тягучим, плотным, и я не могла сделать вдох — он застревал где-то в горле, пульсируя в такт бешено бьющемуся сердцу. Мои руки дрожали, когда я опёрлась ими о пол, и я смотрела на него, не в силах пошевелиться. Ползти? Встать? Я не знала. Я не могла выбрать.

Рэй заметил моё замешательство. Я видела, как его глаза сузились, как он медленно, почти лениво, сменил позу. Он сел прямо, опустив ноги на пол, и согнулся вперёд, опираясь локтями на колени. Теперь он был словно ближе и я мог

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.